E 59/339.

ИТСКОЙ
вліотеки
еніе VI
317

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

Е 59
339

ЦАРЬ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

ІОАННЪ IV ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ГРОЗНЫЙ,

МОСКОВСКІЙ И ВСЕЯ РУСИ.

ЦѢНА 20 КОП.

МОСКВА.

1866.

9722

ИЗДАНІЯ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

1. СОЧИНЕНІЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАГО СОДЕРЖАНІЯ:

Жизнеописанія московскихъ первосвятителей.	15	к.
Жизнеописаніе царя Давида.	25	—
Жизнь св. Іоанна Дамаскина	25	—
Жизнь св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова. . . .	20	—
Жизнь преп. Ѳеодосія Печерскаго. И. Д. Бѣляева.	10	—
Жизнь свв. Кирилла и Меѳодія. И. Д. Бѣляева.	10	—
Разсказы изъ жизни Христіанскихъ подвижниковъ. Стихотв. Б. Алмазова: Алексѣй Божій человѣкъ, Филаретъ милостивый и Марія Египетская.	25	—
Просвѣщеніе Россіи Христіанствомъ	10	—
Меньшія сестры бѣдныхъ. Пер. съ французскаго	10	—
О самовоспитаніи. Соч. Чаннинга. Пер. Г. Рединъ	15	—
Попеченіе о бѣдныхъ. Соч. Чаннинга. Пер. Г. Рединъ . . .	15	—
Іоаннъ Дамаскинъ. Поэма Гр. А. Толстаго	10	—
Благовѣрная Евдокія И. В. Бѣляева.	12	—
Сказаніе о жизни Св. Митрофана	10	—
Пр. Антоній Печерскій. И. Д. Бѣляева	15	—
Воскресеніе Христово и 12 праздниковъ Православной церкви..	10	—

2. КНИГИ УЧЕБНЫЯ:

Азбука съ картинками и прописями. Въ бумажкѣ.	25	—
въ папкѣ	30	—
Букварь гражданскій и церковный	20	—
Передвижныя буквы	10	—
Азбука и постепенное чтеніе. Г. Вельтмана.	60	—
Хрестоматія, выпускъ 2-й	30	—
Учебникъ русской исторіи. Н. Хандрикова.	60	—
Жизнеописанія Плутарха. Пер. съ греческаго.	60	—
Разсказы о греческ. герояхъ Нибура. Въ папкѣ.	20	—
въ бумажкѣ	15	—
Уроки наглядnаго обученія отеч. яз. по Вурсту.	25	—

3. РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ:

Русская лѣтопись. С. М. Соловьева	40	—
Ермакъ Тимоѳеевичъ, покоритель Сибири Г. Суворина	12	—

Боярин Матвѣевъ. Г. Суворина . . . . . 25 к.
Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ. П. Фурмана . . . . 40 —
Великій князь Ярославъ первый . . . . . 15 —
Окраины Россіи. Вып. 1-й. Печенѣги . . . . . 15 —
Мининъ и Пожарскій. . . . . 15 —
Іоаннъ Грозный, И. В. Бѣляева . . . . . 20 —
Сказаніе иностранцевъ о московскомъ государствѣ . . . . . 60 —

4. ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ:

Сестра Розалія. Пер. съ французскаго. . . . . 50 —
Фультонъ, Георгъ Стефенсонъ и Робертъ Стефенсонъ. . . . 15 —
Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ . . . . . 20 —

5. ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ И ПУТЕШЕСТВІЯ:

Есть ли гдѣ конецъ свѣту? . . . . . 25 —
Путешествіе женщины Иды Пфейферъ. 1 и 2 ч. . . . . 60 —
Путевые очерки Америки. Разсказы для дѣтей. Диляца. Выпускъ 1-й 25 к., вып. 2-й 20 к., вып. 3-й 20 к. . . . . 65 —
Описаніе Западной Сибири. И. Завалишина, т. I. . . . . 70 —
Описаніе Западной Сибири. И. Завалишина, т. II. . . . . 60 —
Самыя холодныя и самыя жаркія страны. Чтеніе для начинающихъ . . . . . 10 —
Путешествіе Коробейникова . . . . . 10 —

6. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ:

Магдалина. Соч. Ю. Кавана Пер. съ французскаго . . . . 50 —
Дѣлатели золота. Народная повѣсть Цшокке. . . . . 25 —
Семейная хроника (The Daisy Chain). Г-жи Юнгъ. . . 1 р. 50 —
Русскія народныя розсказни. Ив. Ваненки . . . . . 8 —
Русская быль . . . . . 20 —
Разсказъ въ сельской школѣ . . . . . 20 —
Бѣдный мальчикъ . . . . . 10 —
Лѣто на Красномъ хуторѣ. Повѣсть для дѣтей. В. Мясоѣдовой. 20 —

7. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ:

Обращается ли солнце вокругъ земли? . . . . . 8 —
Какъ питается человѣкъ? . . . . . 15 —
Чѣмъ питается человѣкъ? . . . . . 12 —

Что̀ такоѐ воздухъ? . . . . . 12 к.
О землетрясеніяхъ . . . . . 15 —
Какъ живетъ растеніе? . . . . . 15 —
Какъ нужно обращаться съ животными? . . . . . 10 —
Какъ заражается человѣкъ болѣзнями чрезъ пищу? . . . . 12 —
Обезьяны, вып. 1-й . . . } . . . . . 15 —
Обезьяны, вып. 2-й . . . } Соч. Брема. Пер. съ нѣм. . . 15 —
Обезьяны, вып. 3-й . . . } . . . . . 15 —
Летучія мыши . . . . . } . . . . . 15 —
Тряпье и писчая бумага, съ 13 рис. Сост. Г. Оедченко. . . 25 —

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Алфавитъ духовный.
Жизнь св. Димитрія Ростовскаго.
Сборникъ стихотвореній.
Описаніе Западной Сибири, т. 3.
Путешествіе женщины вокругъ свѣта. Иды Пфейферъ. Перев. съ нѣмецкаго. 3 и 4. ч.
Разсказы дѣдушки Софрона.

ПРИГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Жизнь Царя Соломона.
Жизнеописаніе патріарха Никона.
Исторія культуры. — Кирхмана.
Открытіе Америки — Колля.
Покореніе казанскаго царства московскимъ царемъ.
Отечественная война 1812 года.
Повѣсть для юношества: слѣпая дѣвочка или возвращеніе къ Богу. Джонъ Галлифаксъ, перев. съ англ.

Иногородные могутъ выписывать книгъ не менѣе какъ на 10 рублей; выписывающіе книгъ на 50 руб. сер. за пересылку не платятъ. Съ требованіями обращаться въ Москву, къ казначею Общества распространенія полезныхъ книгъ.

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

59
339

ЦАРЬ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

ІОАННЪ IV ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ГРОЗНЫЙ,

МОСКОВСКІЙ И ВСЕЯ РУСИ.

ЦѢНА 20 КОП.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и Ко.),
на Страстномъ бульварѣ.
1866.

ПУБЛ. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

Дозволено цензурою. Москва, Мая 17-го дня, 1866 года.

2007059113

Заменено
23/III 35
Утр.

ЦАРЬ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

ІОАННЪ IV ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРОЗНЫЙ,

МОСКОВСКІЙ И ВСЕЯ РУСИ.

Въ 1533 году умеръ Вел. князь Московскій Василій Ивановичъ, оставивъ послѣ себя трехлѣтняго наслѣдника Іоанна. Управленіе государствомъ самъ Василій Ивановичъ поручилъ вдовѣ своей Еленѣ, придавъ ей въ помощь боярскую Думу. Въ то время Московское боярство состояло изъ фамилій разнообразнаго происхожденія и характера. Были въ немъ фамиліи, происходившія отъ старыхъ Московскихъ Бояръ, которые при Калитѣ и Донскомъ полагали начало силѣ и величію Москвы; таковы были Бутурлины, Воронцовы, Захарьины и Морозовы. Но, кромѣ сихъ фамилій, много было въ Московскомъ боярствѣ фамилій, происходившихъ отъ князей удѣльныхъ, предки которыхъ еще недавно, при дѣ малолѣтнаго Іоанна, были сами владѣтельными язьями; таковы были князья Шуйскіе, Ростовскіе, икулинскіе и Кубенскіе. Наконецъ, въ составѣ

Московскаго боярства въ сіе время было уже не мало фамилій, выѣхавшихъ изъ литвы; таковы были князья Бѣльскіе, Глинскіе и другіе. Всѣ сіи бояре имѣли различные взгляды на государственную жизнь и, главное, на отношеніе правительства, которое изъ нихъ составлялось, къ верховной власти и къ народу.

При жизни Великой княгини Елены, хотя она была родомъ Литвинка, прежде всѣхъ возвысились старинные Московскіе боярскіе роды, опытные уже въ дѣлахъ управленія, знавшіе хорошо и какъ справляться съ удѣльными князьями, чтобы возвысить и поддержать власть Вел. князя Московскаго, и какъ управлять народомъ, чтобы неразстроивать его жизни, и какъ управляться съ сосѣдями Московскаго государства, Литовцами, Поляками, Крымцами, Ногайцами и Казанцами. Самымъ близкимъ къ правительницѣ и довѣреннымъ лицомъ явился молодый Московскій боярин князь Овчина-Телепневъ-Оболенскій.

Пять лѣтъ управляла Елена съ Московскими Боярами, и правленіе шло совершенно въ томъ духѣ, какъ напр. шло боярское управленіе во время малолѣтства Донскаго. Чтобы обезпечить власть Великаго князя, Елена, по совѣту бояръ, черезъ недѣлю же послѣ похоронъ мужа велѣла взять подъ стражу покойникова брата, князя Юрія Ивановича Дмитровскаго, который, будтобы, сталъ невезывать

къ себѣ на службу бояръ отъ Вел. князя и вообще желалъ усилиться. За тѣмъ, чрезъ мѣсяцъ, отправлены были посольства въ сосѣднія государства съ извѣщеніемъ о восшествіи въ Москвѣ на престолъ Іоанна и для поддержанія дружественныхъ съ Москвою отношеній. На южную границу, или украйну, именно къ Окѣ, отправлены воеводы съ войскомъ для отраженія Крымскихъ грабителей. Наконецъ, въ самой Москвѣ усилены городскія укрѣпленія: съ восточной стороны кремля сдѣланы обширныя укрѣпленія, сперва земляныя, а потомъ по нимъ выведены и каменныя. Эта новая часть города названа Китай-городомъ.

Такъ какъ возвратившіяся изъ другихъ странъ посольства привезли извѣстіе, что Саибъ-Гизей Крымскій и Сигизмундъ Польскій не желаютъ мира, то начата была война съ ними. Противъ Крымцевъ послано было войско къ Серпухову и Коломнѣ, а противъ Сигизмунда къ Чернигову и Стародубу. Первый походъ былъ неудаченъ, ибо воеводы, Литовскіе бывшіе бояре, измѣнили и бѣжали къ Сигизмунду, — за что многіе изъ Бояръ Литовскаго происхожденія были казнены, даже дядя Елены князь Глинскій замученъ въ темницѣ. Но походъ противъ Сигизмунда былъ удаченъ: русскіе проникли почти до самой Вильны, и Сигизмундъ, не смотря на измѣну Москвѣ и соединеніе съ нимъ крымцевъ, доведенъ былъ до того, что 1537 г. заключилъ съ Московскимъ правительствомъ перемиріе на 5 лѣтъ.

Равнымъ образомъ и въ отношеніи къ казанскимъ Татарамъ московское правительство, при Еленѣ, дѣйствовало весьма искусно. Узнавъ что въ Казани есть заговоръ противъ тамошняго царя Сафа-Гирея, оно вызвало въ Москву проживавшаго на Бѣлоозерѣ прежняго казанскаго Царя Шигъ-Алея и начало войну съ казанскими Татарами, чтобы заставить ихъ принять въ цари Шигъ-Алея, подручника великаго князя Московскаго. Несмотря на сильное сопротивленіе Казанцевъ, Москва не уступала и добивалась своего, и только вмѣшательство крымскаго хана въ казанское дѣло заставило Елену и ея Думу начать переговоры. Но 3-го апрѣля 1538 года Елена скончалась и погребена въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, рядомъ съ Софьею Ѳоминишною, второю супругою Іоанна III-го.

За годъ передъ кончиною Елены, во время Казанской войны, бояре Московскіе, вѣрные своему правилу преслѣдовать удѣльныхъ князей, чтобы они не ослабляли власти Великаго князя Московскаго, начали преслѣдовать послѣдняго дядю Ивана Васильевича, Андрея Ивановича Старицкаго. Дѣло велено было такъ: Андрею стали говорить, что на него гнѣвается правительница и хочетъ взять его подъ стражу; а Еленѣ доносили, что Андрей ею недоволенъ и хочетъ бѣжать въ Литву. Елена убѣдила Андрея пріѣхать въ Москву для объясненій. Прибывъ сюда, онъ сознался въ своемъ подозрѣніи и опять былъ отпущенъ домой. Но дома Андрѣй

не оставлялъ своихъ подозрѣній и началъ мыслить опять о побѣгѣ въ Литву. Лазутчики дали опять знать объ этомъ Московскимъ боярамъ, а бояре — Еленѣ. Андрея опять позвали въ Москву, но онъ сказался больнымъ. Послали изъ Москвы въ Старицу врача, но врачъ донесъ, что болѣзни у князя Андрея никакой нѣтъ. Ему велѣли опять ѣхать въ Москву, но онъ не слушался, а между тѣмъ у него собирались лишніе люди и, наконецъ, донесено было, что онъ на другой день бѣжитъ въ Литву. Для предупрежденія этого побѣга изъ Москвы посланы были въ Волокъ-Ламскій полки подъ начальствомъ князей Никиты и Ивана Оболенскихъ-Телепневыхъ, а въ Старицу - епископъ крутицкій Досиѳей — звать Андрея въ Москву. Андрей уже вступилъ въ переговоры съ епископомъ, но вдругъ нѣкоторые изъ его боярскихъ дѣтей, бывшихъ на Волокѣ, прибѣжали къ нему съ извѣстіемъ, что князья Оболенскіе идутъ къ нему — схватить его. Получивъ эту вѣсть, Андрей немедленно собрался въ путь и пошелъ къ Новгороду, разсылая по дорогѣ призывныя грамоты къ помѣщикамъ, чтобы они оставили Московскаго князя и поступали къ нему Андрею въ службу. Многіе помѣщики пошли на этотъ зовъ. Узнавъ объ этомъ возстаніи удѣльнаго князя, Елена приказала укрѣпить Новгородъ и не допускать въ него Андрея, а для поимки его велѣла своему любимцу Ивану Телепневу-Оболенскому гнаться за Андреемъ. Оболенскій догналъ его въ Тюхоли. Андрей выстроилъ

было полки къ бою, но вдругъ оробѣлъ и сдался Телепневу, съ условіемъ не сажать его въ тюрьму. Но въ Москвѣ, куда-привезъ Телепневъ Андрея, тюхольское условіе не было принято, и Андрей былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Такъ Московскіе бояре, постоянно заботившіеся о достиженіи своему князю власти единодержавной, уничтожили и послѣдняго совмѣстника его власти въ княжествѣ Московскомъ.

Но все измѣнилось со смертію Елены: любимецъ ея Овчина-Телепневъ палъ, а съ нимъ потеряла первенствующее значеніе въ государственной думѣ и партія ея старинныхъ Московскихъ бояръ. Государственныя дѣла захватили въ свои руки князья Шуйскіе — Василій и Иванъ, — а съ ними возвысилась и партія бояръ, потомковъ князей удѣльныхъ. Чтобы имѣть на своей сторонѣ и голосъ митрополита Московскаго и всея Руси, Шуйскіе и ихъ партія заставили прежняго митрополита Даніила отказаться отъ каѳедры, а на его мѣсто избрали игумна Троицкой Лавры Іоасафа Скрипицына. Дерзкая, сьоскорыстная, беспечная партія Шуйскихъ всю заботу свою обратила на то, чтобы обогатиться на счетъ народа. Мѣста намѣстниковъ, воеводъ и даже низшихъ правительственныхъ чиновниковъ были заняты ихъ клевретами, и начались страшные поборы и всякаго рода угнетенія народа. Честь государства и защита его отъ враговъ были пренебрежены: Крымцамъ и Казанцамъ предоставлена была полная

свобода грабить пограничныя Московскія области. Съ Литвою возобновлено было опять перемиріе. О воспитаніи молодаго Государя совершенно не заботились: даже намѣренно отстраняли отъ него достойныхъ людей; такъ удаленъ былъ отъ двора и посаженъ въ тюрьму боярин Бѣльскій

Наконецъ, дѣйствія Шуйскихъ и ихъ партіи возбудили почти всеобщее негодованіе. Во главѣ недовольныхъ сталъ самъ, избранный Шуйскими, Митрополитъ Іоасафъ Въ 1540-мъ году онъ пришелъ къ молодому государю и просилъ удаленія Шуйскихъ изъ Думы и возвращенія въ нее Бѣльскаго. Государь потребовалъ, чтобы просьба митрополита была исполнена. Бѣльскаго вывели изъ тюрьмы и возвратили въ Думу. Съ нимъ получила въ Думѣ значеніе партія старыхъ Московскихъ бояръ. Немедленно все сдѣланное Шуйскими было уничтожено: клевреты ихъ лишены мѣстъ въ государственной службѣ. Такъ какъ во Псковѣ особенно тѣснили народъ воеводы и намѣстники изъ партіи Шуйскихъ, то Псковичамъ тогда же представлено было право судиться своими выборными, безъ княжихъ намѣстниковъ Во внѣшнихъ дѣлахъ Бѣльскій и его партія стали дѣйствовать лучше Шуйскихъ; такъ противъ Казани собрано было сильное Московское войско во Владимірѣ, которое остановило набѣги Казанцевъ и едва не посадило Шигъ-Алея въ цари казанскіе. Точно такъ же были остановлены набѣги крымскихъ Татаръ. Съ Литвою продолжалось перемиріе.

Но Бѣльскій и его партія допустили ошибку въ томъ, что не преслѣдовали Шуйскихъ. Они удовольствовались тѣмъ, что Ивана Шуйскаго назначили во Владиміръ начальникомъ войска, собиравшагося въ то время противъ Казани, и тѣмъ удалили его изъ Москвы. Эта слабость сгубила Бѣльскаго и его партію. Окончивъ походъ подъ Казань, Иванъ Шуйскій, въ январѣ 1542 г., самъ оставаясь еще во Владиміръ, прислалъ въ Москву 300 преданнѣйшихъ ему всадниковъ съ сыномъ своимъ Петромъ. При помощи Московскихъ измѣнниковъ эти слуги Ивана Шуйскаго, въ ночь на 3-е января, произвели въ Московскомъ кремлѣ страшное возмущеніе. Они схватили Бѣльскаго въ его домѣ, а другаго его, князя Щепотева, вытащили изъ самой комнаты государевой. За симъ пошли къ митрополичьимъ келіямъ въ Чудовѣ монастырѣ и, бросая въ окна каменья, требовали къ себѣ митрополита для отвѣта. Митрополитъ Іоасафъ думалъ укрыться во дворцѣ, но измѣнники бросились за нимъ туда, разбудили и страшно перепугали двѣнадцатилѣтняго государя и, схвативъ митрополита Іоасафа, отправили его въ ссылку, въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. На другой день утромъ прискакалъ въ Москву и самъ Иванъ Шуйскій, и первымъ его распоряженіемъ былъ приказъ убить Бѣльскаго.

Въ думѣ опять воцарился Иванъ Шуйскій, а съ нимъ и въ государствѣ вездѣ захватила мѣста его партія. Начались прежніе своеволія и притѣсненія,

правителей. Дерзость самого Шуйскаго была такъ велика, что онъ не только не уважалъ никого изъ бояръ, но не показывалъ никакого вниманія и къ самому государю. Такъ напр. однажды, въ торжественномъ засѣданіи думы, при самомъ государѣ, приверженцы Шуйскаго, по его приказу, бросились на изстариннаго московскаго боярина Ѳедора Семеновича Воронцова, лично любимаго молодымъ государемъ, били его и едва не убили. Уже митрополитъ Макарій, избранный на мѣсто Іоасафа изъ новгородскихъ архіепископовъ, по просьбѣ испуганнаго государя, отстоялъ Воронцова. Дерзость Ивана Шуйскаго была невѣроятна: когда государя небывало въ думѣ и кресло его оставалось пустымъ, Шуйскій для отдыха клалъ иногда на это кресло свою ногу.

Наконецъ терпѣніе государя истощилось. Дяди его, князья Глинскіе, и по родству и по должности всегда близкіе къ его особѣ, успѣли ему внушить, что пора разчитаться съ Шуйскими за всѣ ихъ своеволія и дерзости. Самъ митрополитъ Макарій, хотя избранный Шуйскими и ихъ партіей, но въ душѣ не любившій ихъ и горячо сочувствовавшій стариннымъ, чисто-московскимъ боярамъ, на сей разъ счелъ болѣе справедливымъ соединиться съ Глинскими, чтобы облегчить, если можно, участь народа, угнетеннаго Шуйскими, и защитить честь государя, памфренно ими унижаемую. И вотъ въ 1543-мъ году, весело отпраздновавъ праздникъ Ро-

ждества Христова, государь въ первомъ, послѣ праздника, торжественномъ засѣданіи Думы объявилъ боярамъ, что многіе изъ нихъ своими беззаконіями заслуживаютъ казнь. но что онъ казнитъ только болѣе виновнаго, князя Андрея Шуйскаго, родственника и главнаго клеврета Ивана Шуйскаго. На сіи слова государя никто не сказалъ ни слова, и Андрея Шуйскаго немедленно отдали псарямъ, которые и затравили его собаками на улицѣ. Такъ кончилось владычество Шуйскихъ, продолжавшееся во второй разъ 2 года безъ 3 дней. Во внѣшнихъ дѣлахъ и это вторичное правленіе Шуйскихъ было такъ же худо, какъ и первое Съ Литвою заключили опять перемиріе, чѣмъ показали робость и вялость Московскаго правительства. Съ казанскими и крымскими Татарами искали мира и потому партія Московская въ Казани упала.

Хотя въ низверженіи Шуйскихъ лично дѣйствовалъ и самъ Іоаннъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ еще очень молодъ для управленія государствомъ. Онъ преимущественно занимался охотою, разъѣзжалъ по городамъ и монастырямъ, отягощая народъ этими поѣздками, въ которыхъ всегда сопровождала его многолюдная свита. Въ дѣлахъ управленія Шуйскихъ замѣшаны родственники государя Глинскіе. Глинскіе начали тѣмъ, что многихъ изъ фамиліи Шуйскихъ или изъ ихъ партіи сослали въ заточеніе или казнили смертію. Но сами Глинскіе были нелучше Шуйскихъ и [illegible] бы порядки же и

притѣсненія народа остались прежніе. Для государя это было еще хуже. потому что Шуйскіе дѣйствовали отъ своего лица, а Глинскіе, какъ родственники государя, — отъ имени государя. За то въ дѣлахъ внѣшнихъ въ правленіи Глинскихъ произошла перемѣна, которая, впрочемъ, зависѣла не отъ нихъ. а отъ самаго государя. Наскучивъ нападеніями казанскихъ Татаръ на восточныя границы московскихъ владѣній. Іоаннъ въ 1545 г. самъ приказалъ послать войско подъ Казань. Прибытіе этого войска подняло въ Казани опять Московскую партію; она сдѣлала бунтъ въ Казани, низвергла Сафа-Гирея и посадила въ цари казанскіе Шигъ Алея Если Московское правительство могло держать постоянно подъ Казанью большое войско, то Казань могла бы быть тогда же взята Москвою. Но за зимнимъ временемъ войско Московское удалилось. а вслѣдъ за его удаленіемъ поднялась въ Казани партія крымская и ногайская: Шигъ-Алей былъ изгнанъ а Сафа-Гирей, посаженный опять въ цари казанскіе. началъ страшно преслѣдовать и избивать приверженцевъ Москвы; семьдесять татарскихъ князей убѣжали отъ его преслѣдованій въ Москву. Вслѣдъ за сими князьями прибыли въ Москву послы отъ Черемисы. жившей на нагорномъ берегу Волги и подвластные Казани, съ увѣреніемъ. что и народъ черемисскій желаетъ быть подданнымъ государю Московскому, если онъ пришлетъ подъ Казань войско для его защиты. Но Московское правительст

пока отложило это дѣло. — Въ то же время и противъ крымскихъ Татаръ молодой государь началъ дѣйствовать самъ, и дѣйствовалъ успѣшно. Въ 1546 г., узнавъ, что Саибъ-Гирей, ханъ крымскій, вздумалъ самъ сдѣлать походъ къ Коломнѣ, Иванъ Васильевичъ отправился туда самъ съ полками Три мѣсяца простоялъ онъ, но Саибъ-Гирей не рѣшился подойдти къ Московской границѣ.

Наконецъ, въ 1547 г. Іоанну исполнилось 17 лѣтъ и, согласно завѣщанію его отца, опека надъ нимъ бояръ должна была прекратиться. Еще въ 1546 г. онъ объявилъ Думѣ свое намѣреніе вступить въ бракъ, но тутъ же сказалъ, что прежде желаетъ вѣнчаться вѣнцомъ царскимъ. 16-го января 1547 г. Митрополитъ Макарій торжественно вѣнчалъ Іоанна царскимъ вѣнцомъ въ Успенскомъ соборѣ, а 3-го февраля вѣнчанъ онъ былъ вѣнцемъ брачнымъ съ дочерью стариннаго Московскаго боярина Романа Юрьевича Анастасіею, которую самъ выбралъ себѣ въ невѣсты. Недѣли черезъ двѣ послѣ брака, на сырной недѣлѣ Іоаннъ съ супругою отправился пѣшкомъ въ Троицкую Лавру и провелъ тамъ всю первую недѣлю поста.

Бракъ Іоанна съ Анастасіею приблизилъ къ нему старыхъ Московскихъ бояръ, но самъ онъ еще не принимался за свое государево дѣло и всѣмъ управляли его дяди Глинскіе, страшно угнетая народъ. Государя они старались занимать разными заб[illegible] [illegible], [illegible]здками, пирами. Но вдругъ

настали событія, которыя все измѣнили и заставили Іоанна самого взяться за дѣло. Въ Москвѣ вдругъ начались страшные пожары, испепелившіе почти всю Москву. Пожары эти вспыхивали въ 1547 г. въ теченіе трехъ мѣсяцевъ — апрѣля, мая и іюня. Въ народѣ пронесся слухъ, что Москву жгутъ Глинскіе, и 26-го іюня, во время 3-го пожара, народъ возсталъ. Съ страшнымъ шумомъ толпы его повалили въ кремль и требовали, чтобы имъ выданъ былъ дядя государевъ Юрій Глинскій. Юрій укрылся въ Успенскомъ соборѣ, но народъ его нашелъ тамъ и убилъ. Затѣмъ народъ бросился избивать всѣхъ приверженцевъ Глинскихъ; Іоаннъ съ супругою уѣхалъ на Воробьевы горы и оттуда съ ужасомъ глядѣлъ на разливавшееся по Москвѣ пламя и слушалъ ревъ бунтующей черни. Между тѣмъ въ Москвѣ народъ приступалъ ко дворцу и требовалъ, чтобъ ему выдали бабку государеву, княгиню Анну Глинскую. Тогда сдѣлано было въ народъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ и онъ разсѣялся. Вскорѣ потушенъ былъ и пожаръ.

Эти событія произвели сильное впечатлѣніе на душу Іоанна: онъ увидѣлъ, что значитъ народъ, долго предоставляемый Государемъ произволу Правительства. Онъ понялъ, что пора государю управлять самому. Возвратившись въ Москву, онъ пожелалъ узнать истинныя нужды народа и мѣры, которыя могутъ вести къ устраненію сихъ нуждъ. Съ покоя вѣка, еще во время раздробленія Руси

на удѣлы, князья обыкновенно узнавали нужды народныя отъ народнаго вѣча и съ нимъ обсуживали мѣры къ устроенію страны. Теперь удѣльныхъ князей и удѣловъ не существовало: былъ одинъ Царь и одна Земля русская. И вотъ первый русскій Царь назначилъ первое вѣче всей русской Земли или земскій соборъ. Выборные изо всѣхъ русскихъ городовъ и отъ всѣхъ классовъ общества собраны были въ Москву. Въ одинъ воскресный день, отслушавъ въ Успенскомъ Соборѣ литургію и приобщившись св. Таинъ, молодой царь Иванъ Васильевичъ, сопровождаемый духовенствомъ съ крестами и образами, боярами и воинскою дружиною, пошелъ прямо изъ Собора на лобное мѣсто, гдѣ собраны уже были представители земли и, послѣ молебствія, открылъ первый Земскій Соборъ своею рѣчью. Въ сей рѣчи онъ высказалъ представителямъ народа, что онъ знаетъ, что всѣ несчастія народа произошли отъ недостойнаго правительства, которому поручено было его отцемъ управленіе, но что отнынѣ онъ будетъ самъ управлять государствомъ и избирать правителей, и, поклонившись народу на всѣ четыре стороны, просилъ его простить грубыхъ и невѣжественныхъ бояръ и не мстить имъ. Царь и народъ заплакали. Таково было открытіе перваго Земскаго Собора.

Принявъ, въ 1547 г., въ свои руки государственное управленіе, царь Иванъ Васильевичъ занялся преобразованіемъ сего управленія по всѣмъ частямъ.

Преобразованія сіи были крайне нужны и потому, что молодое Московское государство, недавно еще собранное изъ удѣловъ, нуждалось въ единомъ законодательствѣ и потому, что во время боярскаго самовластія правительственные чиновники слишкомъ стѣснили жизнь народа. Съ Московскими боярами, послѣ брака съ Анастасіею ставшими опять близко къ царю, съ земскими выборными и съ соборомъ духовенства, Иванъ Васильевичъ приступилъ къ изданію новыхъ законовъ.

Въ 1550-мъ году онъ издалъ свой царскій *судебникъ* и *уставныя грамоты*. Въ судебникѣ онъ изложилъ устройство суда въ Россіи и порядокъ производства сего суда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторые новые законы касательно гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Изъ 100 статей, въ которыхъ изложенъ сей судебникъ, въ 14 статьяхъ излагаются права и обязанности бояръ царскихъ, завѣдывавшихъ высшимъ судомъ въ приказахъ Московскихъ, и права и обязанности царскихъ намѣстниковъ и волостелей производившихъ судъ въ городахъ и волостяхъ. Въ уставныхъ грамотахъ излагаются права и обязанности выборныхъ отъ народа, такъ называемыхъ, земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, которые должны были засѣдать въ судахъ и производить судъ вмѣстѣ съ царскими намѣстниками и волостелями. Чтобъ избавить народъ отъ своеволія чиновниковъ, отъ ихъ притѣсненій, взятокъ, проволочекъ, словомъ всякаго рода неправдъ судебныхъ, отъ которыхъ народъ посе-

мѣстно страдалъ во время царскаго малолѣтства, Иванъ Васильевичъ возстановилъ древнее право городскихъ и сельскихъ общинъ участвовать въ царскомъ судѣ и управленіи чрезъ своихъ выборныхъ. Для сего какъ въ городахъ, такъ и въ волостяхъ, жители, раздѣлявшіеся искони на общины, избирали изъ среды своей земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, которые небыли только безмолвными зрителями и слушателями дѣйствій намѣстниковъ и волостелей, но дѣйствительными участниками суда и блюстителями его справедливости. При нихъ обыкновенно находился свой земскій дьякъ, который писалъ все дѣло и они скрѣпивъ сей списокъ отдавали царскимъ намѣстникамъ, а отъ нихъ получали списокъ писанный ихъ дьякомъ, за ихъ печатью. По симъ спискамъ выборные отъ народа провѣряли дѣло, когда оно представлялось къ окончательному исполненію, и за искаженіе или передѣлку царскіе чиновники подвергались страшной отвѣтственности отъ царя. Участвуя съ царскими чиновниками въ судѣ, выборные отъ народа еще болѣе участвовали въ управленіи другими дѣлами общинъ. Такъ описаніе земель и имуществъ, съ которыхъ общины платили царю подати, вмѣстѣ съ царскими чиновниками производили и выборные отъ народа. Самую же раскладку податей на отдѣльныя лица и семьи въ общинѣ рѣшительно производили они одни съ своими избирателями. Чиновники государственные не имѣли права касаться ихъ внутренняго, домашняго распорядка.

Равнымъ образомъ. полицейскій надзоръ въ общинахъ, наблюденіе за нравственностію ея членовъ, порядкомъ и тишиною прежде всего принадлежало выборнымъ отъ общинъ земскимъ старостамъ и безъ ихъ призыва и участія полицейскіе чиновники государевы не имѣли права являться и распоряжаться въ общинахъ. — кромѣ двухъ уголовныхъ случаевъ, — душегубства и разбоя съ поличнымъ т. е. съ явною уликою. Найдя на опытѣ такое участіе самаго народа въ дѣлахъ своихъ справедливымъ и полезнымъ, Царь Иванъ Васильевичъ пожелалъ было совершенно отмѣнить своихъ чиновниковъ въ дѣлахъ областнаго суда и управленія, и предоставить народнымъ общинамъ право управляться своими выборными по издаваемымъ отъ царя законамъ. «И мы жалуючи крестьянство, писалъ онъ впослѣдствіи, для земскихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ и волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и волостей отставили.. и вельли есми во всѣхъ городѣхъ и станѣхъ и волостѣхъ учинити старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинити и намѣстниковы и волостелиновы и праветчиковы доходы сбирати и привозити къ намъ на срокъ. — которыхъ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею, отъ которыхъ бы имъ продажи и убытковъ и обиды не было, и разсудити бы имъ умѣли вправду, — безпосульно и безволокитно». Внося въ казну то, что стоило содержаніе намѣстника или волостеля городъ или волость могли совершенно не имѣть

у себя сихъ правительственныхъ чиновниковъ. Но такое совершенное отстраненіе царскихъ чиновниковъ отъ суда и управленія не вездѣ и не надолго оказалось удобнымъ.

Устроивши порядокъ суда и управленія государственнаго, царь Иванъ Васильевичъ пожелалъ видѣть въ своемъ царствѣ устроеннымъ и порядокъ суда и управленія церковнаго. Это было необходимо и потому, что послѣ удѣльнаго періода много было областнаго разнообразія въ семъ устройствѣ а особенно потому, что, во время боярскаго самовластія, Бояре, намѣстники и волостели слишкомъ стѣснили церковную власть и подчиненное ей духовенство въ дѣлахъ суда и управленія и лишили церковное управленіе подобающей ему самостоятельности и независимости. Въ 1550-мъ году, представивъ свой судебникъ и уставныя грамоты на разсмотрѣніе и утвержденіе Собору церковному*), царь Иванъ Васильевичъ выразилъ желаніе, чтобы предсѣдатель Собора, Митрополитъ Макарій, и его сотрудники, русскіе Епископы и высшее духовенство, сдѣлали и для церковнаго управленія тоже, что онъ сдѣлалъ для управленія государственнаго, т. е. составили церковный судебникъ. При семъ царь далъ списокъ нѣкоторыхъ вопросовъ,

*) Церковный Соборъ былъ созванъ въ Москвѣ царемъ Вас. Васил. еще въ 1547 г. и съ тѣхъ поръ еще не былъ распущенъ. Онъ занимался пока просмотромъ житій и службъ новымъ чудотворцамъ русскимъ.

на которые бы онъ желалъ имѣть рѣшеніе отъ собора. Отвѣтомъ на сіе предложеніе царя былъ церковный судебникъ, изданный Московскимъ Соборомъ въ 1551-мъ году и Соборные наказы выборнымъ отъ духовенства. По образцу царскаго судебника судебникъ церковный былъ раздѣленъ такъ же на 100 статей или главъ, почему и извѣстенъ подъ именемъ Стоглава. Въ семъ церковномъ судебникѣ рѣшены и нѣкоторые вопросы касательно церковныхъ обрядовъ и нравственности. Рѣшенія сіи впослѣдствіи повели къ спорамъ и были въ XVII столѣтіи отмѣнены Московскимъ Патріаршимъ соборомъ 1667 г. Таковы рѣшенія стоглава о двуперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія, о двукратномъ только возглашеніи аллилуіа при чтеніи каѳизмъ и о строжайшемъ соблюденіи бородъ и усовъ отъ бритвы, подъ опасеніемъ вѣчнаго церковнаго отлученія. Но для насъ здѣсь важны не-ошибочныя мнѣнія стоглава объ обрядахъ, а устройство и порядокъ церковнаго суда, введеннаго въ Россіи Стоглавомъ, одновременно съ новымъ порядкомъ суда и управленія государственнаго, и сохранявшагося въ ней въ теченіи цѣлаго столѣтія, до учрежденія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ извѣстнаго монастырскаго приказа и послѣдующихъ церковно законодательныхъ мѣръ. Сіе устройство было слѣдующее:

«Наипаче берегучи и жалуючи богомольцовъ», т. е. Духовенство, — какъ сказано въ изданныхъ Соборомъ и утвержденныхъ царемъ актахъ, — опре-

дѣлено было прежде всего. «чтобы и отнынѣ и впредь Царя и Великаго князя боярамъ и дворецкимъ и дьякамъ и по городамъ намѣстникамъ и по волостямъ волостелемъ и ихъ тіуномъ во святительскіе суды не вступатись, — архимандритовъ и игуменовъ и протопоповъ и священниковъ и ружныхъ попозъ и діаконовъ и игуменей и ихъ сестръ и строителей, — и всего Священническаго и Иноческаго чина не судити ни въ какихъ цѣлѣхъ, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ», т. е. явныхъ уголовныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ церковный судъ и управленіе предоставлены были единственно вѣдѣнію Епископовъ. Въ духовныхъ дѣлахъ они судили и рѣшали своею властію, предоставляя иногда свое право доьѣреннымъ отъ нихъ духовнымъ лицамъ. Что же касается до дѣлъ гражданскаго характера въ духовенствѣ, напр. до дѣлъ по договорамъ и условіямъ, по духовнымъ завѣщаніямъ, разнымъ обязательствамъ, сіи дѣла при Епископскихъ домахъ производили ихъ Епископскіе бояре вмѣстѣ съ духовными судьями, назначаемыми Епископами, по преимущественно изъ монашествующаго высшаго духовенства. Самый порядокъ судопроизводства былъ устроенъ по подобію порядка, установленнаго въ государственныхъ судахъ. Духовенство, по опредѣленію Собора 1551-го года, такъ же какъ и земщина, получило право избирать изъ среды своей, въ городахъ *поповскихъ старостъ*, а въ волостяхъ *десятскихъ священниковъ*. Для сего духовенство въ горо-

дахъ было раздѣлено на соборы, а въ волостяхъ на десятины *). Эти выборные отъ духовенства по очереди (понедѣльно) засѣдали въ судахъ епископскихъ вмѣстѣ съ назначенными отъ Епископовъ судьями и епископскими боярами. При производствѣ слѣдствія и при постановленіи судебнаго рѣшенія сіи выборные отъ соборовъ и десятинъ писали свои списки дѣла, которые, скрѣпивъ своею подписью, вручали епископскимъ судьямъ, а отъ нихъ получали списки дѣла, писанные ихъ дьяками, за ихъ скрѣпою. Когда дѣло представлялось епископу, выборные отъ духовенства для повѣрки изложенія дѣла представляли свои списки, или «противни» Въ дѣлахъ гражданскаго характера и отчасти уголовнаго, гдѣ главными судьями отъ лица Епископовъ были епископскіе бояре, въ помощь выборнымъ отъ духовенства садились въ судахъ епископскихъ и выборные отъ земскихъ общинъ судьи, т. е. земскіе старосты и цѣловальники съ своимъ дьякомъ. Сіи представители общества въ судѣ надъ духовными лицами писали такъ же свои списки дѣла, которые отдавали епископскимъ судьямъ, а отъ нихъ получали списки за ихъ скрѣпкою, которые и представляли епископу, когда дѣло шло къ нему на окончательное рѣшеніе.

---

*) Это было и прежде при первыхъ Московскихъ митрополитахъ, Петрѣ, Алексіѣ, Іонѣ, но все забыто во время боярскаго самовластія

Кромѣ участія въ судѣ, выборные отъ духовенства поповскіе старосты и десяцкіе священники, подобно земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ въ земскихъ общинахъ, завѣдывали управленіемъ в общинахъ духовенства, — соборахъ и десятинахъ Они собирали разныя пошлины, платимыя тогда и духовенствомъ или мірянами въ пользу епископовъ, напр. подъѣздъ, вѣнечную пошлину и т. п. Они же наблюдали за порядкомъ и тишиною въ общинахъ, ихъ выбравшихъ, за нравственностью отдѣльныхъ лицъ и, подобно земскимъ старостамъ, рѣшали дѣла домашнимъ судомъ съ обществомъ или представляли виновныхъ церковному правительству.

Послѣ преобразованія судебной части въ государствѣ и церкви изданіемъ Судебника и Стоглава изъ реформъ царя Ивана Васильевича замѣчателна реформа *служилаго сословія*.

Служилые люди въ Московскомъ государствѣ издавна раздѣлились на два класса, — собственно *слуги* и *слуги по прибору*. *Слугами* назывались лица по самому рожденію уже принадлежавшіе къ служилому сословію, т е. потомки бояръ, какъ старыхъ такъ и вновь поступавшихъ на службу къ князьямъ Московскимъ *Слугами по прибору* назывались лица по рожденію не принадлежавшіе къ служилому сословію, но набираемые правительствомъ для государственной службы изъ другихъ сословій

Относительно дворянъ Царь Иванъ Васильевичъ яснѣе и строже опредѣлилъ самую службу, кого-

рую должно нести это сословіе прирожденныхъ слугъ. Прежде бояринъ являлся на службу (за ними была главнымъ образомъ военная служба) съ отрядомъ ратниковъ, какой ему вздумается привести: одинъ приводилъ больше людей, другой меньше; одинъ лучше вооруженныхъ, другой — хуже. Иванъ Васильевичъ теперь установилъ, чтобы каждый дворянинъ приводилъ съ собою на службу количество ратниковъ, соотвѣтствующее количеству состоящей за дворяниномъ населенной земли *), и строго опредѣлилъ, какъ должны быть вооружены приводимые дворянами ратники.

Вмѣстѣ съ опредѣленіемъ порядка службы Иванъ Васильевичъ издалъ законъ о смотрахъ. Каждый прибывшій на службу дворянинъ обязанъ былъ явиться воеводѣ своего города, который осматривалъ его и его ратниковъ, и записывалъ ихъ въ, такъ называемые, смотрѣнные списки, — съ отмѣткою, кто какъ явился на службу «конемъ и людемъ». Списки сіи потомъ воевода отдавалъ *окладчикамъ*, выбраннымъ самими дворянами, и окладчики сличали ихъ съ помѣстными списками, кто явился вполнѣ по помѣстному окладу, кто нѣтъ. За тѣмъ расписывали служилыхъ людей по статьямъ — въ высшую среднюю и низшую, смотря по ихъ усердію и исправности въ службѣ. Исправнымъ выдавались отъ царя награды — прибавка помѣстій, — у неисправныхъ

*) Со 100 четвертей одинъ конный воинъ.

отписывали часть помѣстій, съ которой они не приводили людей на службу. Для завѣдыванія собственно службою дворянъ Иванъ Васильевичъ учредилъ особенное присутственное мѣсто, названное *Разрядъ* или *разрядный приказъ*.

Что касается до поступленія дворянъ вновь на службу, оно производилось такъ: каждый дворянинъ, достигнувъ совершеннолѣтія, являлся или въ Москву въ разрядный приказъ, или въ своемъ городѣ къ воеводѣ записаться въ служилый списокъ. При семъ явившійся объявлялъ, съ чего онъ будетъ служить, т. е. есть ли у него отцовскія вотчины и помѣстья, или ему нужно вновь дать помѣстный окладъ. Въ послѣднемъ случаѣ дворянинъ назывался *новикъ*, а помѣстный окладъ его — *новичій окладъ*. За неявку или укрывательство отъ службы, или, какъ тогда говорилось, за *нѣтье* дворяне лишались своихъ помѣстій. Впрочемъ служилый *нѣтъ* или *нѣтчикъ* тогда только лишался помѣстій, когда не могъ представить законной причины своей неявки.

Устроивая порядокъ службы для высшаго служилаго сословія, Царь Иванъ Васильевичъ обратилъ вниманіе на одинъ обычай этого сословія, годъ отъ году усиливавшійся въ немъ и крайне вредившій ходу службы, — именно на такъ-называемое *мѣстничество*. Еще при предшественникахъ Ивана Васильевича потомки боярскихъ родовъ, приходя къ князьямъ на службу, считались первенствомъ или старшинствомъ своего рода на службѣ у князя пе-

редъ потомками другихъ боярскихъ родовъ. Но прежде эти споры были не такъ замѣтны, ибо, въ случаѣ неудовольствія, бояре могли переходить отъ одного князя къ другому, *«отъѣзжать»*. Вотъ почему прежде и Князья, дорожа слугами, уважали эту родословность лицъ и, при назначеніи на служебныя должности, заботились, чтобы не назначить потомка стараго служилаго рода на такую должность, гдѣ онъ будетъ въ подчиненіи у потомка младшаго въ княжествѣ боярскаго рода. Само собою разумѣется, что эта обязанность Князей, при назначеніи людей на должности, имѣть въ виду ихъ служебное родословіе, а не способности, много затрудняла Князей. Вотъ почему съ уничтоженіемъ удѣловъ, когда боярамъ отъѣзжать стало некуда, Московскіе Великіе Князья стали стремиться къ уничтоженію мѣстничества. Уже дѣдъ царя Ивана Васильевича Иванъ Васильевичъ III-й не одинъ разъ дѣлалъ назначеніе на службу *безъ мѣстъ* и увѣрялъ обижавшихся, что отъ того ихъ *«роду порухи небудетъ»*. Но такъ великъ былъ этотъ предразсудокъ, что бояре, уважая Великаго Князя во всемъ, въ этомъ неуважали, — заводили тяжбу съ лицами младшаго рода, получившими старшее мѣсто, искали на нихъ бесчестья, какъ на личныхъ оскорбителяхъ, жаловались Великому Князю и, когда онъ грамотою оправдывалъ тѣхъ, на кого жаловались, говорили: «въ своихъ холопѣхъ Государь воленъ, какъ котораго пожалуетъ, а тою грамотою ни велику ни малу

быти нельзя» и продолжали ослушаться Государя и мстить своимъ соперникамъ. Царь Иванъ Васильевичъ захотѣлъ тоже уничтожить этотъ вредный для хода службы обычай, но совершенно рѣшиться на отмѣну его немогъ. Онъ только нѣсколько ослабилъ значеніе мѣстничества при назначеніи на военныя должности. По его закону только начальники полковъ имѣли право мѣстничаться между собою, остальные же дворяне, недослужившіеся еще до начальства надъ тѣмъ или другимъ полкомъ, должны были служить безъ мѣстъ. Но обычай мѣстничества, котораго не рѣшился уничтожить и Царь Иванъ Васильевичъ, отъ котораго уже труднѣе было уѣзжать боярамъ. продолжался весь XVI и XVII в. Бояре заводили тысячи мѣстническихъ дѣлъ, мстили другъ другу, и даже во дворцѣ, за царскими обѣдами, валились со скамей, если Царь назначалъ имъ сидѣть ниже потомка младшаго, по ихъ мнѣнію, рода. И долго еще и въ новѣйшее время съ этою родословною служебною спѣсью дворянскаго сословія въ русскомъ государствѣ боролось просвѣщеніе, различающее людей не по физической породѣ, а по ихъ личнымъ талантамъ и трудолюбію.

Дѣятельно занимаясь внутреннимъ устройствомъ своего государства, Царь Иванъ Васильевичъ немнѣе твердо и успѣшно продолжалъ распространять вліяніе Россіи и утверждать ея власть въ сосѣднихъ съ нею земляхъ. Прежде всего онъ продолжалъ утверждать ее въ землѣ казанскихъ Татаръ. Въ

1551-мъ году построенъ былъ имъ въ этой землѣ городъ Свіяжскъ. Послѣ сей постройки Горная Черемиса. Мордва и Чуваши признали надъ собою власть Московскаго Государя и даже сдѣлали нападеніе на своихъ прежнихъ владѣтелей — Казанцевъ. За тѣмъ въ самой казанской землѣ Московскіе войска начали опустошенія, ставъ въ ней отъ устья Суры до Вятки и Камы. Между тѣмъ въ самой Казани все было въ волненіи. Войска у Казанцевъ едва могло набраться до 20 тысячъ: народъ былъ недоволенъ вельможами и особенно князьями Крымскими, окружавшими престолъ посаженнаго въ Казани крымцами царя Утемишъ-Гирея, а партія, приверженная къ Москвѣ, еще болѣе разжигала это неудовольствіе. Наконецъ въ Казани вспыхнулъ бунтъ. Крымцы всѣ были изъ нея изгнаны и Казанцы заключили перемиріе съ Московскими войсками и отправили посольство въ Москву просить себѣ опять въ цари Шигъ-Алея. Иванъ Васильевичъ непротивился этой просьбѣ, но требовалъ, чтобы Черемиса, живущая на правомъ, такъ-называемомъ, на горномъ берегу Волги и признавшая уже надъ собою власть Московскаго государя, вся отчислена была ко владѣніямъ Московскаго государства, къ которымъ принадлежалъ и построенный въ этой землѣ городъ Свіяжскъ; чтобы царица Сююнбека и малолѣтній Утемишъ Гирей отправлены были въ Москву; наконецъ, чтобы Московскіе плѣнники возвращены были всѣ до единаго. Долго Казанцы не соглашались

на эти условія; но, боясь войны съ Москвою, наконецъ, уступили, приняли Шигъ-Алея и присягнули Московскому государю.

Но покорность Казанцевъ была непродолжительна: недовольные отнятіемъ земли горной Черемисы, Казанцы стали возмущаться противъ Шигъ-Алея, скрывали Московскихъ плѣнниковъ и сносились съ Ногайцами. Шигъ-Алей хотѣлъ было смирить мятежниковъ казнями и умертвилъ у себя на пиру до 70 ихъ князей; но эта мѣра еще болѣе вооружила недовольныхъ. Изъ Казани отправлено было въ Москву посольство объявить государю, что казанцы не хотятъ повиноваться Шигъ-Алею и согласны принять Московскихъ намѣстниковъ. Предложеніе пословъ было принято: Шигъ-Алей удаленъ изъ Казани, а Московскіе намѣстники готовились уже вступить въ Казань. Но въ Казани произошелъ новый бунтъ; Москвичи принуждены были удалиться въ Свіяжскъ и тамъ ждать новыхъ приказаній отъ своего государя.

Когда вѣсти о Казанскихъ событіяхъ пришли въ Москву, въ Думѣ государевой положено было начать походъ противъ Казани, чтобы совершенно покорить ее. Отправлено было приказаніе полкамъ собираться въ Коломнѣ, Каширѣ и Муромѣ. Самъ государь обѣщалъ принять начальство надъ войскомъ и идти къ Казани. Новый крымскій Ханъ, преемникъ Саибъ-Гирея, Девлетъ-Гирей, узнавъ объ этихъ

приготовленіяхъ Московскихъ, взялся спасти Казань. Между тѣмъ и въ самой Казани произошла перемѣна: горная Черемиса измѣнила Москвѣ. Войска Московскія, стоявшія въ Свіяжскѣ, не могли дѣйствовать, ибо подверглись цынготной болѣзни. Наконецъ, въ Казань пробрался Астраханскій царевичъ Едигеръ, былъ принятъ казанцами въ цари, и, давъ клятву быть врагомъ Москвы, началъ удачно дѣйствовать противъ Московскихъ войскъ. Все это заставляло поспѣшить походомъ подъ Казань и Царь Иванъ Васильевичъ, наконецъ, 16-го Іюня 1552-го года выступилъ изъ Москвы. Но едва дошелъ онъ до села Коломенскаго, какъ къ нему пришли вѣсти, что Крымскій Ханъ идетъ на Москву. Государь немедленно отправился въ Коломну и началъ устроивать полки для встрѣчи новаго врага. Крымцы прежде всего явились подъ Тулою, гдѣ не было достаточно войска. Крымскій ханъ думалъ уже взять городъ безъ сопротивленія. Но, граждане стали защищаться, и отразили первый приступъ. Между тѣмъ Царь Иванъ Васильевичъ, увѣдомленный объ осадѣ Тулы, велѣлъ полкамъ спѣшить на выручку этого города. Девлетъ-Гирей, узнавъ о ихъ приближеніи, бросилъ осаду Тулы, побросалъ огнестрѣльные снаряды и обозъ и обратился въ бѣгство. Полки Московскіе, предводимые князьями Щенятевымъ и Курбскимъ, преслѣдовали Крымцевъ до самыхъ степей, разбили ихъ (на рѣчкѣ Шеворонѣ) и съ побѣдой возврати-

лись къ государю, стоявшему въ Каширѣ, принеся большую добычу и приведя много плѣнниковъ Такъ кончился страшный походъ Девлетъ Гирея.

Прогнавъ крымцевъ, Государь прямо отъ Коломны пошелъ на Казань. Походъ этотъ продолжался пять недѣль. Во время его войско вытерпѣло множество трудностей при переправахъ чрезъ наводнившіяся отъ дождя рѣки и болота. Самъ Государь вездѣ дѣлилъ эти трудности съ своими войсками. Наконецъ, 20 августа, полки Московскіе увидѣли Казань. Послѣ двухдневной выгрузки изъ судовъ, 23-го августа, стрѣльцы и нѣшіе казаки начали обступать городъ Казанцы, желая воспротивиться сему, сдѣлали сильную вылазку. Завязалась горячая битва, которая, впрочемъ, кончилась тѣмъ, что казанцы принуждены были отступить, и полки Московскіе окружили городъ. Осада продолжалась 10 дней. Казанцы въ это время сдѣлали нѣсколько вылазокъ, но безъ успѣха. Знаменитый боецъ ихъ, князь Епанча пытался было пробраться въ лагерь осаждающихъ со стороны Арскаго поля, но былъ отраженъ Между тѣмъ Московскія стѣнобитныя орудія мало-по-малу разрушали казанскія укрѣпленія. Но, и казанцы не ослабѣвали, защищались отчаянно и не принимали никакихъ предложеній о сдачѣ Наконецъ, 1-го октября, въ день Покрова Божіей Матери. Государь назначилъ общій приступъ къ Казани Подвели подкопъ подъ городскія стѣны, войско исповѣдывалось и приобщилось Св. таинъ, а 2-го октября, когда государь,

на разсвѣтѣ слушалъ литургію въ походной церкви и діаконъ возгласилъ слова: «и будетъ едино стадо и единъ пастырь», подкопъ былъ взорванъ. Въ проломъ бросились Москвичи. Сильно отражали это послѣднее нападеніе Казанцы. рѣзались на стѣнахъ, въ улицахъ, домахъ и башняхъ, но успѣха не было: Московскіе полки, среди пламени и дыма, шля по трупамъ своихъ товарищей, шагъ за шагомъ заняли весь городъ; наконецъ. вступилъ и самъ Царь Иванъ Васильевичъ. Казань пала навсегда Заложивъ въ ней христіанскій храмъ во имя Благовѣщенія, при чемъ священники окропили улицы и стѣны города святою водой, и назначивъ своихъ намѣстниковъ, Царь Иванъ Васильевичъ 11-го октября поѣхалъ въ Москву, оставивъ Казани часть войска.

29-го октября 1552-го года. радостно встрѣчали Москвичи своего царя-побѣдителя. Стоя двумя рядами по дорогѣ къ Кремлю, куда нужно было ему ѣхать, они кричали: «многая лѣта царю православному' и цѣловали у него руки и ноги. Но радость государя была непродолжительна. Получены были вѣсти изъ Пскова о страшной моровой язвѣ, начавшей опустошать тотъ край. Вслѣдъ затѣмъ пришли вѣсти изъ подъ Казани о вспыхнувшемъ между горною Черемисою бунтѣ. которая отказалась платить дань Москвѣ и разбила высланное противъ нея изъ Казани войско. Прежде нежели Государь успѣлъ сдѣлать какія-либо распоряженія насчетъ Казани, его постигла сильная горячка. такъ что всѣ отчаялись въ

его жизни и самъ онъ велѣлъ писать духовное завѣщаніе, въ которомъ онъ объявилъ своимъ наслѣдникомъ новорожденнаго своего сына Димитрія и потребовалъ отъ бояръ присяги. Но здѣсь случилось то обстоятельство, которое лично въ отношеніи къ государю доказало справедливость того мнѣнія, которое онъ и прежде, какъ мы видѣли, высказывалъ о многихъ изъ бояръ,—и положило начало тѣмъотношеніемъ Царя Ивана Васильевича сперва къ отдѣльнымъ лицамъ, а потомъ и ко всему боярскому сословію. въ которыхъ мы въ послѣдствіи его къ нему видимъ и которыя, выработавъ ему и его преемникамъ покорныхъ и вѣрныхъ слугъ, сдѣлали и многихъ изъ нихъ такъ несчастными. Многіе изъ бояръ отказались исполнить волю умирающаго государя, и у самой его постели начался споръ, шумъ и мятежъ. Даже самые приближенные, довѣренные его сановники объявили ему, что они не хотятъ повиноваться Захарьинымъ—Юрьинымъ, которые будутъ править при малолѣтномъ государѣ. Несмотря на всѣ настоянія умирающаго, чтобы, по искони-ному, строго выдержанному въ Москвѣ правилу, старшій сынъ всегда наслѣдовалъ послѣ отца, присягнули только немногіе; прочіе вездѣ, и дома и на площади кричали, что не хотятъ служить малолѣтному. А двоюродный братъ государевъ, князь Владиміръ Андрѣевичъ, торжественно отрекся отъ присяги наслѣднику и началъ въ своемъ домѣ собирать своихъ сторонниковъ и раздавать деньги воинамъ. Такъ про-

шло два дня; наконецъ болѣзни сдѣлался переломъ, и Іоаннъ выздоровѣлъ.

Оправившись отъ болѣзни, царь Иванъ Васильевичъ попрежнему занялся дѣлами, сыпалъ милости даже на тѣхъ, которые около его смертнаго одра явно противились его волѣ, — ласкалъ даже князя Владиміра Андрѣевича. Но, ему трудно было забыть измѣну тѣхъ, которыхъ доселѣ онъ считалъ самыми вѣрными и преданными ему, общественному благу и добродѣтели. Бояре напомнили ему опять то время, когда онъ помирился съ ними и во всѣхъ ихъ винахъ ихъ пожаловалъ и простилъ. Весною же 1553 го года государь отправилъ противъ Казанцевъ Даніила Адашева съ войскомъ, который и громилъ ихъ цѣлое лѣто на Камѣ и Волгѣ. Потомъ въ іюлѣ мѣсяцѣ пришла вѣсть, что Крымскій Ханъ идетъ на Московскія украйны, и государь, по этой вѣсти, немедленно отправился на Коломну и началъ устроивать полки; но, узнавши только объ этомъ, ханъ отложилъ свой походъ, царь Иванъ Васильевичъ возвратился въ Москву. Въ слѣдующемъ году, 6-го декабря, были отправлены изъ Нижняго-Новгорода новые воеводы, которые въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ разбили въ нѣсколькихъ сраженіяхъ мятежниковъ казанскихъ, опустошавшихъ селенія и города, и принудили ихъ снова покориться Москвѣ и платить дань.

Управившись съ Казанью, Царь Иванъ Васильевичъ обратилъ вниманіе на Астрахань. Онъ вступилъ въ

сношеніе съ Ногайскимъ княземъ Измаилъ-Мурзою и правилъ съ своими воеводами въ Астрахань прежняго царя Дербышь-Гирея. Взявъ Астрахань, московское войско разбило тамошняго царя Ямчургея и посадило тамъ въ цари Дербышь-Алея, а Астраханцевъ привело къ присягѣ на вѣрность Московскому государю. Покореніемъ Астрахани окончена была навсегда борьба съ Татарами на востокѣ.

Теперь Царь Иванъ Васильевичъ могъ обратить вниманіе на западныхъ сосѣдей своего Московскаго государства. Это поняли Ливонцы *) и поспѣшили заключить перемиріе. Магистръ Ливонскихъ рыцарей прислалъ своихъ пословъ въ Новгородъ для переговоровъ съ намѣстниками Царя Ивана Васильевича.— которые и заключили, по волѣ Государя, перемиріе съ Ливоніей на 15 лѣтъ, — съ тѣмъ, чтобы епископъ Дерптскій платилъ государю Московскому дань по нѣмецкой гривнѣ съ человѣка каждый годъ, а магистръ рыцарей поручился въ исправномъ платежѣ сей дани.

Но, среди сихъ успѣховъ, государю была новая непріятность отъ бояръ. Князья Ростовскіе тайно сговорились бѣжать въ Литву. Бѣглецы были перехвачены на дорогѣ и въ распросахъ показали, что

---

*) Ливонцы владѣли Балтійскимъ поморьемъ и землями Латышей и Кривичей, принадлежавшими Руси еще со временъ Ярослава и составлявшими, до конца XII в., владѣнія Полоцкихъ князей. Со временъ Іоанна III-го они обязались платить дань Московскимъ государямъ.

они сносились съ Польскимъ королемъ и передавали ему всѣ тайные совѣты Государя и тѣмъ препятствовали заключенію мира съ Литовцами. Государь велѣлъ судить измѣнниковъ. По суду, главному изъ нихъ, князю Семену Ростовскому, была назначена смертная казнь, но, по ходатайству митрополита, онъ былъ прощенъ и сосланъ въ заточеніе на Бѣлоозеро. а прочіе соучастники отпущены.

Между тѣмъ войска московскія продолжали стоять въ Казанской землѣ и усмирять непокорныхъ Вотяковъ и Черемису. Наконецъ въ 1554 г. казанскія дѣла довольно устроились, и Государь рѣшился устроить Казанскую епархію. Онъ велѣлъ поставить туда архіепископа, игумена Селижарова монастыря Гурія, а въ память покоренія Казанскаго царства въ 1555 г. велѣлъ построить въ Москвѣ церковь о девяти верхахъ, которая и теперь еще стоитъ за Спасскими воротами Кремля и извѣстна подъ именемъ Покровскаго собора или церкви св. Василія Блаженнаго.

Главнымъ гнѣздомъ Татаръ враждебныхъ Москвѣ, оставался Крымъ. Съ Крымскимъ ханомъ продолжались переговоры, но миру еще не было. Наконецъ, въ 1555-мъ году пришла въ Москву вѣсть отъ станишниковъ, или пограничной разъѣздной на югѣ стражи, что идетъ на Москву ханъ съ 60 т. войска. Царь Иванъ Вас., узнавши объ этомъ, отправился на Коломну приготовить полки, а между тѣмъ отправилъ полки къ Тулѣ, куда особенно на-

ирали Татары. Вскорѣ къ этимъ полкамъ пришелъ изъ Коломны и самъ онъ. Ханъ, безъ него было смявшій посланные къ Тулѣ передовые полки, теперь встрѣченъ былъ на Дубровѣ московскимъ воеводою Алексѣемъ Даниловичемъ Басмановымъ. отступилъ, а потомъ, услыша о подходѣ еще новыхъ полковъ, и вовсе бѣжалъ въ Крымъ. Царь Иванъ Васильевичъ возвратился въ Москву, куда къ нему вскорѣ прибыли князья Черкасскіе съ просьбою о пріятіи ихъ съ ихъ народцами въ подданство и о защитѣ отъ Крымцевъ и Турокъ. Царь Иванъ Вас. принялъ отъ нихъ присягу и обѣщался ихъ защищать. Въ томъ же 1555 г. явились въ Москвѣ послы отъ сибирскаго князя Едигера поздравить Царя съ побѣдами, особенно въ Казанскомъ краѣ. и просить, чтобы онъ принялъ подъ свою руку Сибирское царство, защищалъ ту сторону отъ непріятелей и прислалъ людей для собранія дани, причемъ объявили, что въ Сибири платятъ дань 30.700 человѣкъ. Государь принялъ прошеніе и послалъ отъ себя въ Сибирь Димитрія Непейцына. чтобы онъ привелъ къ присягѣ Едигера и всѣхъ Сибиряковъ и собралъ дань по бѣлкѣ и по соболю съ человѣка.

Отраженіемъ крымскаго нападенія освобожденный теперь отъ татарскихъ дѣлъ, Царь Иванъ Васильевичъ рѣшился серьезно заняться Ливоніей. Кромѣ мысли возвратить, наконецъ, этотъ древній Русскій край подъ власть Русскую, ему приписываютъ еще и

мысль овладѣть Балтійскимъ поморьемъ почти съ тѣми же цѣлями, съ какими, въ послѣдствіи, въ XVIII-мъ столѣтіи, овладѣлъ имъ Петръ 1-й. Дѣйствительно, и мысль о сношеніяхъ съ Германіей прямо черезъ море, помимо Польши, могла быть у такого государя, какъ Иванъ Васильевичъ: онъ былъ дальновидный политикъ, любилъ просвѣщеніе, хотя понималъ его по своему православно-русскому взгляду, и очень дорожилъ людьми, знающими разныя искусства и ремесла, каковыхъ однажды и выписывалъ черезъ Саксонца Шлитте изъ Германіи, но ихъ еще въ Любекѣ задержали по проискамъ Ливонцевъ.

Обезпечивъ себя предварительно со стороны Швеціи, Польши и Крыма частію военными дѣйствіями, частію договорами *). Царь Иванъ Васильевичъ въ началѣ 1557-го года повелъ съ Ливонцами настоятельнѣйшіе переговоры о дани съ дерптскаго епископа, и, когда дерптскій епископъ объявилъ это небывалымъ и невозможнымъ, а потомъ рижскій магистръ обезпечилъ данное, наконецъ, епископомъ обѣщаніе дани только своею подписью, безъ подписи германскаго императора **), то Царь

*) Война со Швеціей и окончилась заключеніемъ перемирія на 40 лѣтъ. Съ Польскимъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ заключено было только перемиріе до 1572 года. Съ Крымомъ ведена была война въ 1557 г.

**) При этомъ рижскіе рыцари, вручая грамоту посламъ царя московскаго, сами смѣялись надъ нею, говоря имъ при заверткѣ ея въ шелковую матерію «берегите это вещь важная».

Иванъ Васильевичъ осенью того же 1557 года. выдвинулъ на ливонскую границу сорокъ тысячъ отлично устроеннаго и вооруженнаго войска. Въ числѣ вождей этого войска былъ и извѣстный въ послѣдствіи бѣглецъ — князь Андрей Курбскій. Ливонцы прислали пословъ въ Москву, согласились платить дань, но не поголовную. Царь Иванъ Васильевичъ согласился на это. Но, когда Ливонія не внесла денегъ, то посламъ ея въ Москвѣ подали за царскимъ столомъ пустыя блюда, а войско московское 22-го января 1558 г. перешло ливонскую границу. Русскія войска, не встрѣчая сопротивленія отъ изнѣженныхъ и реформаціей раздѣленныхъ на партіи Ливонцевъ, взяли нѣсколько городовъ. въ томъ числѣ Нарву, Дерптъ, крѣпкій замокъ Феллинъ, и жестоко опустошили непріятельскія земли. Дѣйствіями своими они обратили въ бѣгство Магистра Фирстенберга, а епископа дерптскаго едва незахватили въ плѣнъ. Ливонія приведена была въ ужасъ и старецъ Фирстенбергъ сложилъ съ себя званіе магистра, въ которое рыцари облекли молодаго командора Кеттлера. Молодой магистръ Кеттлеръ. при которомъ Русскіе взяли Дерптъ и всю Курляндію, видѣлъ невозможность защищаться одними собственными силами и искалъ ходатаевъ. Тогда за Ливонію сталъ ходатайствовать предъ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ король Польскій и вмѣстѣ съ нимъ короли Шведскій и Датскій. Послѣ довольно долгихъ переговоровъ, Царь согласился на перемиріе,

сказавъ въ грамотѣ, что онъ *«желаетъ»* Ливоніи перемиріе отъ мая до ноября 1559 года, и что магистръ можетъ или самъ *«говорить царю челомъ въ Москвѣ»* или прислать *«знатнѣйшихъ людей»* для заключенія вѣчнаго мира.

Но Ливонскіе рыцари, во время сего шестимѣсячнаго перемирія, думали не о мирѣ, а искали всевозможныхъ средствъ, чтобы не податься Россіи. Кеттлеръ рѣшился на самую крайнюю мѣру: онъ поѣхалъ въ Краковъ къ Польскому королю Сигизмунду Августу, желая, во что бы то ни стало, поднять его противъ Россіи. Онъ готовъ былъ даже совершенно подчинить орденъ Польшѣ. Но до этого не дошло; король и сеймъ согласились продать свою помощь дешевле: они на первый разъ взяли въ залогъ 7 Ливонскихъ крѣпостей, съ тѣмъ чтобы, по окончаніи войны Ливонцы заплатили королю 700-т. гульденовъ. Съ договорною грамотой, написанною на такихъ условіяхъ, возвратился Кеттлеръ въ Ливонію: и уже эта грамота такъ одушевила рыцарей и весь нѣмецкій народъ, что немедленно собрали значительную сумму денегъ и наняли войска изъ Германіи. Съ этимъ наемнымъ и съ своимъ войскомъ Кеттлеръ двинулся къ Дерпту еще за мѣсяцъ до окончанія перемирія. Начало этого похода Кеттлеру посчастливилось: онъ смялъ московскаго воеводу Плещеева и осадилъ Дерптъ; но тамошній воевода князь Катыревъ Ростовскій встрѣтилъ Нѣмцевъ пушечною пальбой и сдѣлалъ удачную вылазку.

Кеттлеръ простоялъ безъ успѣха надъ Дерптомъ 10 дней и поспѣшилъ отступить, ибо ему стали заходить въ тылъ московскія войска, посланныя Царемъ Иваномъ Васильевичемъ немедленно по полученіи въ Москвѣ извѣстія о нарушеніи Нѣмцами перемирія. Войска эти преслѣдовали Кеттлера по пятамъ, осадили Тарвастъ, куда онъ скрылся, взяли Маріенбургъ, который защищалъ старый магистръ Фирстенбергъ, и снова заняли всю Ливонію до Рижскаго залива.

Зная, что, по обязательству, король Польскій долженъ вступиться за Ливонію и начать войну, Царь Иванъ Васильевичъ спѣшилъ какъ можно скорѣе окончить ея завоеваніе. Для сего онъ отправилъ въ Ливонію князя Андрея Курбскаго съ новыми войсками, наказавши ему какъ можно спѣшить завоеваніемъ. Курбскій вмѣстѣ съ Адашевымъ повели дѣло быстро: они въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ разбили Нѣмцевъ въ семи битвахъ и подъ Феллиномъ завладѣли лагеремъ стараго магистра Фирстенберга. Это было въ 1560-мъ году.

Но въ этомъ году постигло царя Ивана Васильевича несчастіе: онъ лишился глубоко-любимой имъ супруги Анастасіи. Съ нею разстроился и тотъ родственный и дружескій кругъ, который, связывая съ царемъ Московскую боярскую партію, чрезъ нее связывалъ съ нимъ и остальныя. По смерти Анастасіи, отдаливъ отъ себя Алексѣя Адашева, котораго послалъ въ Ливонію, и іерея Сильвестра, ко-

тораго сослалъ въ Соловецкій монастырь. Царь сталъ смотрѣть на всѣ партіи боярскія безразлично и оцѣнивать каждую по цѣлямъ и по поступкамъ ея лицъ. Само собою разумѣется, что такимъ настроеніемъ Царя спѣшили воспользоваться лица новыя, которыя, невсегда понимая мысль Царя, умѣли угождать ему лично,—особенно въ минуты перваго его горя о потерѣ супруги, — и безоглядочно служить ему. Таковы были: бояринъ Алексѣй Басмановъ, сынъ его Ѳеодоръ, князь Аѳанасій Вяземскій, Василій Грязной и Малюта Скуратовъ При ихъ вліяніи и содѣйствіи начались въ Москвѣ казни, отъ которыхъ погибли прежде всего друзья Адашева, которые принадлежали къ партіи бояръ московскихъ и отчасти потомковъ удѣльныхъ.

Между тѣмъ война съ Ливоніей продолжалась. Въ томъ же 1560-мъ году царь послалъ въ Дерптъ еще 60.000 новаго войска, съ 90 пушками, подъ начальствомъ князей Мстиславскаго и Шуйскаго, чтобы непремѣнно взять Феллинъ, гдѣ заперся старый магистръ Фирстенбергъ. Феллинъ былъ взятъ, и Фирстенбергъ выпущенъ изъ города, по великодушію завоевателей. Въ тоже время Данія заняла, принадлежавшій Ливоніи островъ Эзель, а Швеція Эстонію. Но, молодой магистръ Кеттлеръ, видя невозможность защищаться одними собственными средствами, 28-го ноября 1561-го года поѣхалъ въ Вильно и уступилъ Ливонію польскому королю Сигизмунду II, а себѣ взялъ Курляндію и Семигалію съ титуломъ

герцога, признавъ и это владѣніе леномъ Польши. Сигизмундъ прислалъ въ Москву посла будто бы для переговоровъ о мирѣ, но онъ требовалъ Новгорода, Пскова, земли Сѣверской, Смоленска. Получивъ отказъ посолъ Сигизмунда уѣхалъ, а литовскій гетманъ Радзивилъ вступилъ съ войскомъ въ Ливонію.

Теперь война ливонская дѣлалась вмѣстѣ и войною съ Польшею и требовала отъ царя Московскаго чрезвычайнаго напряженія силъ и вѣрныхъ слугъ. Но, при первой же встрѣчѣ съ литовскимъ гетманомъ при городѣ Торвастѣ, воеводы московскіе дѣйствовали медленно и не хотѣли дать городу, занятому московскимъ войскомъ, помощи Какъ будто изъ приличія, недѣль черезъ шесть, князь Василій Глинскій вступилъ въ битву съ Радзивиломъ. Война Русскихъ съ Литовцами продолжалась цѣлый 1562 годъ, но ведена была съ обѣихъ сторонъ вяло. Наконецъ, въ началѣ зимы 1563 года (вскорѣ послѣ своего втораго брака, въ который вступилъ онъ съ княжною Черкасскою Маріею), какъ бы не довѣряя воеводамъ и желая скорѣе покончить дѣло, Царь Иванъ Васильевичъ самъ вступилъ въ Ливонію съ 280,000 войска и 200 пушекъ и осадилъ Полоцкъ. Взявъ этотъ городъ послѣ крѣпкой осады, онъ велѣлъ разорить латинскіе костелы и крестить Жидовъ, а непокорныхъ топить въ Двинѣ; съ польскими воинами, взятыми въ Полоцкѣ, онъ поступилъ великодушно: далъ имъ шубы и отпустилъ въ Польшу съ о-

хранною грамотою. Уже завоеваніе Полоцка навело страхъ на короля Сигизмунда и на Польскую Рѣчь Посполитую, ибо Полоцкъ считался главною твердынею Литвы. Но Царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ идти еще далѣе въ Литву, — именно въ Вильну, ибо Радзивилъ гетманъ литовскій отступилъ къ Минску. Сигизмундъ II и его Поляки просили мира. Царь Иванъ Васильевичъ далъ его имъ на шесть мѣсяцевъ и, ввѣривъ Полоцкъ мужественному князю Петру Шуйскому, 26 февраля выступилъ съ войскомъ изъ Литвы къ Великимъ Лукамъ, гдѣ и распустилъ войско, а самъ возвратился въ Москву.

Успѣхи Ивана Васильевича въ Литвѣ, произвели самое выгодное впечатлѣніе на всѣхъ его сосѣдей. Датскій король искалъ его дружбы, Шведскій такъ же, наконецъ и Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей вступилъ съ нимъ въ дружбу и открылъ ему планъ турецкаго султана поднять татаръ Крыма, Астрахани и Казани противъ Москвы.

Въ декабрѣ 1563-го года пріѣхали въ Москву послы Сигизмундовы, но, послѣ долгихъ переговоровъ, не хотѣли уступить Царю Ивану Васильевичу ни Ливоніи, ни Полоцкой области. Тогда Царь Иванъ Васильевичъ немедленно велѣлъ войскамъ своимъ выступить изъ Полоцка и Вязьмы и идти къ Минску, внутрь земли Литовской. Но воеводы Московскіе дѣйствовали съ величайшею осторожностью: войско Петра Шуйскаго, такъ славно дѣйствовавшаго въ Ливоніи противъ Нѣмцевъ, въ Литвѣ противъ Поля-

ковъ шло невооруженное; доспѣхи везли на саняхъ; ни кто не думалъ о непріятелѣ. Встрѣченные подъ Оршею (на Днѣпрѣ) войскомъ Радзивила, оно побѣжало. Самъ Шуйскій поплатился жизнію за эту неосторожность. Тѣло Шуйскаго отвезли въ Вильну и представили больному тогда королю Сигизмунду. Остальные русскіе воеводы съ своими отрядами бѣжали въ Полоцкъ. Къ счастію, слѣдствія этой побѣды не были гибельны для русскихъ: ихъ остановили князья Оболенскіе, стоявшіе подъ Оршею. Поляки, видя успѣхи свои въ Литвѣ, какъ бы смѣялись надъ Московскими побѣдителями; они послали къ королю вѣсть о побѣдѣ надъ Шуйскимъ черезъ такія мѣста, гдѣ этотъ гонецъ долженъ былъ быть схваченъ. Его привели къ князьямъ Оболенскимъ, которыя дѣйствительно и отступили тогда подъ Смоленскъ, но отмстивъ опустошеніемъ земель отъ Дубровны до Кричева. *)

По мѣрѣ того, самъ царь Иванъ Васильевичъ получалъ въ Москвѣ вѣсти изъ Ливоніи, раздраженіе его противъ бояръ усиливалось, розыски и ссылки увеличивались. Мѣстомъ, куда бѣжали отъ его гоненій, оставалась Литва. Наконецъ, бѣжалъ въ Литву герой Казани, князь Курбскій, долгое время бывшій воеводою въ Дерптѣ. Достигнувъ ливонскаго города Вольмара, занятаго тогда Поляками, Курб-

*) Кричевъ есть мѣстечко въ Могилевской губерніи, населенное по преимуществу Жидами.

скій прислалъ оттуда къ царю письмо, подавшее поводъ, въ послѣдствіи, къ извѣстной перепискѣ между ними. Царь выслушалъ это письмо, опершись на посохъ свой, желѣзный конецъ котораго онъ вонзилъ въ ногу вѣрнаго слуги Курбскаго (Шибанова). Раздраженіе Царя Ивана Васильевича противъ бояръ и борьба его съ ними достигли уже крайняго предѣла, какъ вдругъ получена была вѣсть о потерѣ Полоцка.

Послѣ всего этого Царь Иванъ Васильевичъ рѣшился повести свою борьбу съ боярами систематически. Къ ужасу народа въ 1564 г., 3-го декабря, отслушавъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ и простившись съ народомъ, онъ выѣхалъ изъ Москвы съ своими любимцами. За нимъ отправился огромный поѣздъ, въ которомъ увезено было и все имущество дворцовое, даже сосуды и утварь изъ придворныхъ храмовъ. Онъ ѣхалъ черезъ село Тайнинское и Троицкій посадъ въ Александровскую слободу. Оттуда прислалъ, 3-го генваря 1565 года, грамоту къ митрополиту, которую митрополитъ долженъ былъ прочесть передъ боярами. Въ сей грамотѣ объяснялъ онъ, что его заставляетъ покинуть царство своеволіе бояръ, при которомъ онъ не можетъ ни устроить внутренняго управленія государствомъ, ни вести дѣла внѣшнія. «Не хотя терпѣть вашихъ измѣнъ, заключалъ онъ, мы отъ великой жалости сердца, оставили государство и поѣхали, куда Богъ укажетъ намъ путь». Другая грамота при-

слана была къ земскимъ людямъ. Въ ней Царь утѣрялъ ихъ въ своей милости, говоря, что гнѣвъ и опала его на нихъ не простираются. Царскіе дьяки прочли ее народу. Всюду были ужасъ и горе Одни говорили: «пусть царь укажетъ своихъ лиходѣевъ». другіе прибавляли: мы сами истребимъ ихъ.» Наконецъ рѣшено было отъ всѣхъ чиновъ и классовъ общества отправить съ митрополитомъ посланныхъ и просить Царя снова принять царство.

5-го генваря 1565 года посланные были приняты Царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Александровской слободѣ. Онъ согласился возвратиться въ Москву и принять царство снова, но поставилъ непремѣннымъ условіемъ сего возвращенія, чтобы бояре и народъ согласились на учрежденіе «опричины.» Учрежденіе сіе состояло въ томъ, что 1) онъ наберетъ себѣ 1000 дружинниковъ изъ князей, дворянъ, дѣтей боярскихъ и другихъ лицъ; 2) что на содержаніе свое. своего двора и сей дружины онъ возметъ нѣкоторые города и волости Московскаго государства, съ ихъ доходами; что, 3) наконецъ, онъ не будетъ жить въ кремлѣ Московскомъ, а въ одной изъ городскихъ улицъ. Всѣ эти города и земли должны быть въ непосредственномъ управленіи Царя и имъ назначенныхъ мужей,—подъ именемъ *опричины*. Остальная часть государства, подъ именемъ *земщины*, должна управляться боярами, которыхъ онъ назвалъ *земскими боярами*. Всѣ изъявили согласіе, и

4-го февраля 1865 года обнародовали новое учрежденіе опричины.

Учрежденіемъ опричины царь Иванъ Васильевичъ ставилъ себя въ тѣ отношенія, въ какихъ находились прежніе князья Русскіе къ Землѣ, напр. Рюрикъ въ Новгородѣ. Этимъ учрежденіемъ онъ показывалъ боярамъ, что если они мечтаютъ о возобновленіи правъ древней земщины, къ которой себя причисляютъ, то не поправится имъ возобновленіе правъ древней дружины. Да и представительство ихъ въ земщинѣ, какъ думали между ними даже всякіе выходцы, излишне, когда народъ имѣлъ выборное представительство въ его учрежденіяхъ. Если же они хотятъ быть дружиною,—совѣтниками князя, то они позабываютъ, что теперь, вмѣсто Великаго Князя, только что призваннаго въ чужую землю, какъ Рюрикъ, или вмѣсто князя владѣльца-удѣльнаго, окруженнаго равноправными ему государями и чужими земщинами, передъ ними находится Царь всей земли Русской, который самъ прямо можетъ обращаться къ народу. Словомъ, учрежденіемъ опричины, Царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ на опытѣ доказать боярамъ несвоевременность и невозможность того положенія, въ которое они хотѣли поставить себя среди народа и тѣхъ отношеній, въ какихъ хотѣли быть къ нему, опираясь на прежнія отношенія дружины къ князю и земскихъ бояръ къ народу. Бояре должны были отыскать свое настоящее положеніе, какъ слуги царю.

Учредивши опричину, Царь Иванъ Васильевичъ повелъ нѣчто въ родѣ войны съ земщиной, или собственно съ боярами. Живя самъ, большею частію, въ Александровской слободѣ, онъ дѣлалъ наѣзды на вотчины подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ бояръ, или, пріѣзжая въ Москву, казнилъ ихъ. Особенно стали жестоки казни съ 1567 г., когда къ князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому и Воротынскому Сигизмундъ Польскій и Литовскій гетманъ Ходкѣвичъ прислали письма, приглашавшія ихъ перейдти въ службу къ Польскому королю. Хотя они показали сіи письма Царю и послали отвѣты на нихъ, въ которыхъ говорили, что имъ дѣлать у короля нечего, но, какъ замѣтилъ и исторіографъ Карамзинъ, «гражданинъ, дающій врагамъ надежду склонить его къ измѣнѣ уже отдѣляется какою-то подозрительною тѣнію». Неудивительно, если при характерѣ и положеніи Царя Ивана Васильевича подозрительность его въ это время особенно усилилась и начались казни.

Въ сіе-то время вступился въ отношенія Царя къ боярамъ святитель Филиппъ. Филиппъ, происходившій отъ знаменитаго рода бояръ Колычевыхъ, былъ вызванъ изъ Соловецкой обители, гдѣ онъ былъ игуменомъ, въ Москву. При первомъ же свиданіи съ Царемъ онъ объявилъ, что онъ не приметъ сана митрополичьяго, если не будетъ уничтожена опричина; Царь отклонилъ тогда это требованіе и святитель Филиппъ далъ грамоту за своею подписью, которою онъ объявилъ, что не будетъ вступаться въ госу-

дарственныя дѣла и въ опричину; но, съ своей стороны и Царь Иванъ Васильевичъ, уважая новаго архипастыря, запретилъ опричникамъ своевольствовать. Москва и все государство успокоились на время. Сей-то архипастырь вступился въ государственныя дѣла теперь, когда перехвачены были письма Сигизмунда почти ко всѣмъ главнымъ земскимъ боярамъ,— письма, въ которыхъ король Польскій приглашалъ ихъ оставить Царя и обѣщалъ всѣмъ имъ удѣлы въ Литвѣ. Однажды, въ воскресный день, когда Царь, послѣ казней по этому дѣлу, вошелъ въ Успенскій соборъ съ толпою опричниковъ, одѣтый, какъ онъ имѣлъ обыкновеніе одѣваться въ минуты тоски, въ платье подобное монашескому, и подошелъ къ митрополиту Филиппу, чтобъ принять благословеніе, Святитель не благословилъ его и обратилъ къ нему сильное обличительное слово. Слѣдствіемъ сего было то, что опричники забрали всѣхъ митрополичьихъ сановниковъ, потомъ ворвались въ домы знатныхъ вельможъ и, побравъ ихъ имущество и жень, выѣхали изъ Москвы, а за ними уѣхалъ и самъ Царь. Наконецъ, дошла очередь и до самого митрополита, на котораго уже давно гнѣвался государь, какъ на соучастника земскихъ бояръ. Предлогомъ къ окончательному съ нимъ разрыву былъ слѣдующій случай: однажды, во время хода въ Дѣвичій монастырь, одинъ опричникъ несналъ тафьи (шапки), на что Святитель Филиппъ указалъ государю, шедшему подлѣ него; но, когда

государь обратился, опричникъ уже снялъ тафью. Государь при всѣхъ изругалъ митрополита, назвалъ лжецомъ и мятежникомъ и обѣщался уличить его. Въ Соловецкій монастырь, гдѣ былъ прежде игуменомъ Филиппъ, посланы были довѣренные отъ Царя: тамъ нашли они игумена Паисія, согласившагося клеветать на Филиппа. Паисій привезенъ былъ въ Москву, передъ судомъ оклеветалъ митрополита за его прежнюю жизнь, и Святитель былъ сосланъ въ заточеніе, — сперва въ обитель св. Николая, на берегу Москвы-рѣки, а потомъ, когда туда началъ стекаться народъ, въ Тверскій Отрочь монастырь. Въ митрополиты Московскіе былъ избранъ Троицкій игуменъ Кириллъ.

Казнями бояръ, получившихъ письмо отъ Сигизмунда, покончивши свою борьбу съ Литовскою боярскою партіей, а удаленіемъ Святителя Филиппа устранивши и вообще защитника бояръ, Царь Иванъ Васильевичъ обратилъ вниманіе на партію бояръ, потомковъ удѣльныхъ князей. Казни начались съ главы сей партіи — удѣльнаго Московскаго князя Владиміра Андреевича. Въ сентябрѣ 1569 года, когда скончалась вторая супруга Ивана Васильевича, князь Владиміръ, тотъ самый, который хотѣлъ быть царемъ во время болѣзни Ивана Васильевича, и который потомъ въ продолженіи 16 лѣтъ пользовался ласкою и милостями его, былъ назначенъ главнымъ воеводою войска, собраннаго въ Нижнемъ для защиты Астрахани, которую вмѣстѣ съ другими Та-

тарами волновали и хотѣли взять Турки. Во время проѣзда изъ Москвы къ Нижнему, князя Владиміра встрѣчали съ большими почестями духовенство и народъ. Узнавши объ этомъ, государь велѣлъ вызвать въ Москву городскихъ начальниковъ, дозволившихъ такія встрѣчи, гдѣ ихъ и казнили; брата же ласково вызвалъ къ себѣ въ Александровскую слободу. Но еще на дорогѣ онъ встрѣтилъ его съ своими опричниками въ деревнѣ Слотинѣ и объявилъ, черезъ Малюту Скуратова, что онъ узналъ, что князь Владиміръ давалъ деньги его повару, чтобы онъ отравилъ Царя. Вслѣдствіе сего онъ приказалъ князю Владиміру со всѣмъ семействомъ принять ядъ.

Вслѣдъ за княземъ Владиміромъ подверглись государевой опалѣ города тверскіе и новогородскіе. Царю донесли, что Новгородцы и ихъ архіепископъ сносятся съ королемъ Сигизмундомъ, подобно тому какъ при дѣдѣ его Иванѣ III сносились они съ королемъ Казимиромъ. Доносчикъ даже указалъ, гдѣ сыскать грамоту, въ которой Новгородцы обѣщаются присоединить Новгородскую область къ Литвѣ. Грамоту, можетъ-быть и подложную, дѣйствительно сыскали за образомъ въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Государь съ полками опричниковъ выступилъ изъ Александровской слободы карать обвиняемыхъ. По дорогѣ, начиная съ Клина, перваго Тверскаго города, онъ велѣлъ опустошить всѣ города и селенія. Въ самой Твери, по его приказу, Малюта

Скуратовъ задушилъ и Святителя Филиппа. Послѣ сего, вступивъ въ Новгородъ, Царь назвалъ измѣнникомъ тамошняго архіепископа Пимена, велѣлъ его взять подъ стражу и опечатать всѣ приходскія церкви и монастыри, а затѣмъ и домы знатнѣйшихъ гражданъ. Потомъ началъ судъ надъ обвиненными, который продолжался цѣлыя пять недѣль. Въ это время каждый день къ государю и его сыну приводили отъ 500 до 1000 Новгородцевъ, мучили, пытали и топили въ Волховѣ. Въ заключеніе начали общій грабежъ: опричники не оставили ни одного сколько-нибудь зажиточнаго дома, не ограбивъ. 12-го февраля государь объявилъ милость оставшимся гражданамъ, и уѣхалъ. — Изъ Новгорода Иванъ Васильевичъ отправился во Псковъ. Здѣсь народъ встрѣтилъ его съ хлѣбомъ и солью; граждане, жены и дѣти стояли на колѣнахъ и благословляли государя. Отслушавъ молебенъ въ храмѣ св. Троицы и поклонившись гробу св. Всеволода, Иванъ Васильевичъ выѣхалъ изъ Пскова и, проживъ нѣсколько дней въ окрестностяхъ его, удалился въ Москву и увезъ съ собою монастырскія казны, нѣкоторыя иконы, сосуды и книги.

Прибывъ въ Москву, Иванъ Васильевичъ занялся судомъ надъ архіепископомъ новгородскимъ и нѣкоторыми знатными Новгородцами. Слѣдствіе по этому суду продолжалось около пяти мѣсяцевъ: въ это время забрали до 500 человѣкъ, запутанныхъ въ сношеніяхъ съ Новгородцами. 25-го іюня 1570 г. Царь

Иванъ Васильевичъ явился на торговую площадь, гдѣ уже стояли 18 висѣлицъ и разныя орудія мукъ. Туда же вывели и обвиняемыхъ, изъ коихъ 180 человѣкамъ государь даровалъ жизнь, а остальныхъ велѣлъ казнить разными муками.

Между тѣмъ война Ливонская, въ которой Царь Иванъ Васильевичъ полагалъ всю цѣль и заслугу своего царствованія, продолжалась, — и продолжалась сколько по волѣ Царя, столько же и по мысли народа. Въ 1556 году, чтобы узнать мнѣніе народа о сей войнѣ, Царь Иванъ Васильевичъ собиралъ Земскій Соборъ и получилъ отвѣтъ, что Ливонская земля должна принадлежать Россіи, какъ земля прародителей Царя Русскаго, начиная съ Великаго князя Ярослава. Весною 1570 г. больной и утомленный Сигизмундъ прислалъ въ Москву пословъ для заключенія мира. Заключено было, впрочемъ, только перемиріе на три года. Въ это время Царь Иванъ Васильевичъ самъ велъ дѣла Ливонскія. Онъ надѣялся пріобрѣсти и партію въ рыцаряхъ и дружбу Даніи, отъ чего принималъ и ласкалъ Ливонскихъ бѣглецовъ, въ особенности двоихъ изъ нихъ, Таубе и Крузе, и, по совѣту ихъ, объявилъ, что онъ желаетъ возстановить орденскія владѣнія подъ именемъ королевства Ливонскаго, и пригласилъ въ Москву брата Датскаго короля Магнуса, котораго хотѣлъ сдѣлать королемъ Ливоніи, выдавъ за него племянницу свою, дочь Владиміра Андреевича, Евѳимію. Давъ Магнусу 25-ть г. войска, онъ по-

слалъ его съ Таубе и Крузе завоевать Ливонію. Магнусъ осадилъ Ревель, но, простоявъ подъ нимъ около семи мѣсяцевъ, долженъ былъ снять осаду и удалиться въ подаренный ему отъ Царя Оберъ-Паленъ. Совѣтники же его Таубе и Крузе вступили въ тайныя сношенія съ Шведами и Литвою и, обманомъ, съ помощію московскихъ войскъ, думавъ было завладѣть Дерптомъ, но не успѣвъ, бѣжали въ Литву, гдѣ ласково были приняты Сигизмундомъ. Они послѣ чернили Іоанна въ своихъ письмахъ по всей Европѣ и увѣряли всѣхъ въ его безсиліи.

Неудачи эти и измѣны не измѣнили мысли Царя Ивана Васильевича относительно Ливоніи. Онъ продолжалъ ласкать Магнуса и готовить войска для Ливонской войны. Вдругъ весною 1571 года разнеслась вѣсть, что Ханъ Крымскій, провожаемый московскими измѣнниками, идетъ на Москву съ стотысячнымъ войскомъ. Царь самъ и московскіе воеводы, князья — Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій и бояре — Морозовъ и Шереметьевъ, спѣшили, по обычаю, занять берега Оки. Царь съ своею опричиною первый явился въ Серпуховъ; но воеводы не поспѣли къ сроку на указанныя имъ мѣста; дали Хану обойдти себя и подойдти къ Серпухову. Царь Иванъ Васильевичъ, видя себя отрѣзаннымъ отъ прочаго войска, оставилъ Серпуховъ и пошелъ, не заходя въ Москву, черезъ Коломну въ Александрову слободу. Ханъ двинулся къ Мос-

квѣ; воеводы московскіе спѣшили съ береговъ Оки на защиту столицы, но, вмѣсто того чтобы дать сраженіе въ полѣ, расположились въ московскихъ посадахъ. Ханъ воспользовался этимъ и зажегъ предмѣстіе Москвы; огонь распространился по всему городу, и только Кремль уцѣлѣлъ отъ пожара. Народу погибло безчисленное множество. Ханъ, довольный успѣхомъ, удалился въ Крымъ. Посланный за нимъ князь Воротынскій нигдѣ не могъ найдти его, и такимъ образомъ Крымцы спокойно шли, разоряя московскія владѣнія.

Это нашествіе Татаръ на Москву, устроенное московскими измѣнниками и носящее характеръ какой-то мести, подало поводъ къ новымъ казнямъ. Царь, пріѣхавъ въ Москву, сдѣлалъ новые розыски и велѣлъ казнить своего шурина князя Михаила Темрюковича Черкасскаго, бояръ Ивана и Василія Салтыковыхъ, и опричниковъ Григорія Грязнаго и князя Ивана Гвоздева-Ростовскаго. Сдѣлавши потомъ распоряженіе для предупрежденія страшныхъ пожаровъ, начавшихся было въ Москвѣ, Царь поѣхалъ въ Новгородъ для приготовленій къ войнѣ съ Швеціею за Эстонію: ибо въ это время пронеслись слухи, что Швеція хочетъ воевать на Эстонію. Полки его уже готовились вступить въ Финляндію и Эстонію; но онъ желалъ употребить мирныя средства для отклоненія войны со Шведами. Для сего онъ велѣлъ привести изъ Мурома шведскихъ плѣнниковъ, содержавшихся тамъ съ 1568 г. за оскор-

леніе русскаго посла въ Стокгольмѣ, и, давъ имъ грамоту къ Эрику шведскому, отпустилъ ихъ въ Швецію съ тѣмъ, чтобы они убѣждали короля отказаться отъ Эстоніи и вообще отъ участія въ дѣлахъ Ливоніи. При семъ Иванъ Васильевичъ объявилъ, что войска его не начнутъ военныхъ дѣйствій до Троицына дня. Отправивъ сихъ пословъ, онъ поспѣшилъ возвратиться въ Москву для сбора новыхъ войскъ и для укрѣпленія южной границы: ибо пронесся слухъ, что Крымскій Ханъ готовится къ новому нападенію.

Въ Москвѣ онъ принималъ въ это время посольства Англійское, Датское, Польское, но особенно занятъ былъ укрѣпленіями Москвы и сборомъ войска, которое должно было стоять на берегу Оки. Назначивъ начальникомъ сего войска воеводу Воротынскаго съ боярином Шереметевымъ и воеводами Одоевскимъ и Хованскимъ, и давъ имъ въ помощь свою нѣмецкую дружину, которую около этого времени завелъ онъ себѣ, онъ самъ съ семействомъ отправился въ Новгородъ, чтобы вести дѣла Ливоніи и готовиться къ войнѣ съ Швеціей Ожидая вѣстей отъ короля Шведскаго, онъ усиливалъ войска въ Дерптѣ, Феллинѣ и другихъ Ливонскихъ городахъ, занятыхъ Русскими.

Черезъ мѣсяцъ по отъѣздѣ Ивана Васильевича въ Новгородъ, Девлетъ-Гирей съ семитысячнымъ войскомъ явился въ украйнахъ московскихъ. Это было въ іюнѣ 1572 года. Но тамъ уже, на берегахъ

Оки, стояло около 70-ти тысячъ московскаго войска, предводительствуемыхъ мужественнымъ воеводою, княземъ Михаиломъ Ивановичемъ Воротынскимъ Ханъ, впрочемъ, успѣлъ перебраться черезъ Оку; но, завлеченный Воротынскимъ за московскій укрѣпленный лагерь, принужденъ былъ вступить въ битву на невыгодномъ мѣстѣ, окруженномъ засадами, и былъ совершенно разбитъ. Едва съ 20 ю тысячами всадниковъ успѣлъ онъ ускакать съ поля битвы и пробраться въ Крымъ.

Царь Иванъ Васильевичъ, получивши о семъ вѣсть, поспѣшилъ въ Москву, щедро наградилъ побѣдителей, и, въ знакъ своей милости къ народу, уничтожилъ опричину, въ сущности ему теперь и не нужную. Опричникамъ приказано было размѣститься по другимъ полкамъ.

Уничтоживъ опричину, Царь Иванъ Васильевичъ, въ глубокую осень того же года, отправился въ Новгородъ, дабы готовить полки для войны съ Швеціей. Въ Новгородѣ, подъ предводительствомъ Царя, собралось 80 т. войска. Въ концѣ ноября, Царь съ этимъ войскомъ вступилъ въ Эстонію, гдѣ никто не ждалъ Русскихъ. Войска московскія, не встрѣчая сопротивленія, шли до крѣпости Виттенштейна. Здѣсь Шведы вздумали было сопротивляться, но Русскіе взяли городъ приступомъ. Малюта Скуратовъ, въ числѣ первыхъ, взошелъ на стѣну и тамъ сложилъ свою голову. Огорченный потерею друга, Царь велѣлъ сжечь на кострѣ всѣхъ шведскихъ и

нѣмецкихъ плѣнниковъ, а тѣло Малюты отвести въ Волоколамскій монастырь, гдѣ были погребены его отецъ и мать.

По взятіи Виттенштейна, Царь возвратился въ Новгородъ, гдѣ онъ и жилъ довольно долго: женилъ здѣсь Магнуса Короля Ливонскаго на своей племянницѣ; заключилъ перемиріе съ Швеціею на два года и дѣлалъ распоряженія для усмиренія сильно взбунтовавшейся тогда Черемисы. Но, главнымъ образомъ, наблюдалъ за дѣйствіями войскъ своихъ, посланныхъ въ Ливонію и удачно дѣйствовавшихъ тамъ подъ начальствомъ Никиты Романовича Захарьина-Юрьина.

Возвратившись въ Москву, Царь ѣздилъ въ Серпуховъ осматривать полки, стоявшіе на границѣ для удержанія крымскихъ нападеній, но главнымъ образомъ занялся Польшею. Въ Польшѣ умеръ король Сигизмундъ, и съ 1573 года тамъ открылся сеймъ, продолжавшійся до 1576 года. Въ числѣ кандидатовъ на Польскій престолъ предложенъ былъ и Царь Иванъ Васильевичъ съ сыномъ Осодоромъ. Особенно старые литовскіе вельможи желали соединенія съ Москвою. Но Иванъ Васильевичъ, не отказываясь принять королевство Польское, и особенно желая присоединенія Литвы къ Москвѣ, не дѣлалъ большихъ искательствъ, не прибѣгалъ ни къ угрозамъ, ни къ подаркамъ. Онъ желалъ, чтобы избраніе было совершенно свободное; высказывалъ польскимъ посламъ свои условія, на какихъ бы онъ желалъ

быть Польскимъ королемъ и вообще велъ себя открыто и добросовѣстно. Потому искатели болѣе настойчивые и пронырливые получили перевѣсъ: сеймъ сперва выбралъ Французскаго принца Генриха Анжуйскаго, брата Французскаго короля Карла IX, а когда тотъ оставилъ Польшу, то снова избрали королемъ Седмиградскаго князя Стефана Баторія.

Баторій въ первомъ же посольствѣ къ Государю Московскому объявилъ, что не думаетъ отступиться ни отъ чего, на что объявлялъ притязаніе Сигизмундъ-Августъ. Въ грамотѣ своей онъ, какъ и его предшественникъ, не называлъ Ивана Васильевича ни Царемъ, ни Великимъ Княземъ Полоцкимъ и Смоленскимъ. О Ливоніи совершенно ничего не говорилъ Баторій, а только обѣщалъ наблюдать сосѣдственную дружбу до урочнаго времени. Посему Царь Иванъ Васильевичъ, отпустивъ королевскихъ пословъ, и давши имъ грамоту для проѣзда новыхъ Литовскихъ пословъ въ Москву, началъ готовиться къ завоеванію Ливоніи. Будучи всегда осторожень и предусмотрителенъ, онъ сперва распредѣлилъ войска, укрѣпилъ границы со стороны Крымцевъ и Литовцевъ, поставилъ судовую рать и на Волгѣ для обузданія Черемисы, Астрахани и Ногаевъ. Наконецъ въ 1577 году отправлено было передовое войско и въ Ливонію. Войско это осадило Ревель; но, продержавъ его въ осадѣ шесть недѣль, принуждено было отступить безъ успѣха и даже ко вреду другихъ владѣній Русскихъ въ Ливоніи: ибо, обо-

дясь этимъ. Шведы, Нѣмцы и Эстонскіе крестьяне начали убивать бывшихъ тамъ Русскихъ. Но, царь Иванъ Васильевичъ, когда дѣло шло о Ливоніи, не смущался ничѣмъ. Онъ самъ уже былъ въ Новгородѣ съ сыновьями и, стянувъ всѣ войска ко Пскову, отъ Пскова самъ вошелъ въ Ливонію, Магнуса же послалъ къ Вейдену. *) Походъ самого Царя Ивана Васильевича былъ самый блистательный: защитники Литвы, — Поляки, Нѣмцы, — не могли сопротивляться, и онъ въ нѣсколько дней взялъ 10 городовъ между Псковомъ и Ригою и поставилъ въ нихъ русскія войска. Не менѣе счастливъ былъ и король Эстонскій Магнусъ,—но онъ обязанъ своимъ успѣхомъ Царю Ивану Васильевичу; войска нѣмецкія и польскія, напуганныя успѣхомъ царскихъ войскъ, вездѣ уступали и Магнусу. Но Царь Иванъ Васильевичъ не довольно былъ счастливъ въ выборѣ людей. Успѣхъ Магнуса вскружилъ ему голову, и онъ въ письмѣ къ Ивану Васильевичу сталъ требовать, чтобы Русскіе выступили изъ Ливоніи и даже уступили бы ему прежде завоеванные ими города, со включеніемъ самого Дерпта, изъ-за котораго началась война. Въ то же время Магнусъ началъ сноситься съ Кетлеромъ, герцогомъ Курляндскимъ, и королемъ Польскимъ Стефаномъ Баторіемъ. Узнавъ обо всемъ этомъ, Царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ своимъ войскамъ занять всѣ города, занятые Магнусомъ, а самъ дви-

*) Западнѣе Феллина, на рѣкѣ Аа, на пути къ Ригѣ.

нулся въ южную Ливонію и завоевалъ ее почти всю. Довольный этими успѣхами, Царь Иванъ Васильевичъ поставилъ свои войска въ завоеванныхъ городахъ, а самъ возвратился въ Дерптъ, откуда, великодушно простивъ Магнуса и оставивъ за нимъ имя короля, поѣхалъ въ Москву.

Пока продолжалась Ливонская война, казни въ Москвѣ не переставали: клеветники губили еще бояръ, преимущественно Адашевской и Литовской партій. Но уже не столько казнями, сколько войною изъ-за Ливоніи съ Польшею занятъ былъ Царь Иванъ Васильевичъ. Готовясь къ ней, онъ старался обезпечить себѣ успѣхъ союзами: для сего вступилъ въ союзъ съ Императоромъ Австрійскимъ Рудольфомъ II-мъ и Датскимъ королемъ Фридрихомъ, желая возбудить ихъ противъ Баторія. Но сношенія эти не имѣли должнаго успѣха. Царь Иванъ Васильевичъ старался также поднять на Литву новаго Хана Крымскаго Магметъ-Гирея, но и здѣсь золото Баторіево предупредило его исканія. Ханъ предъявилъ разныя неисполнимыя требованія и неподымался на Литву. Наконецъ, въ 1578 году наступила война съ Баторіемъ. Она началась тѣмъ, что Литовцы измѣнническеи заняли Литовскія крѣпости Динабургъ и Венденъ *): они до истеченія срока перемирія вошли въ сіи крѣпости и перерѣзали въ нихъ московскіе гарнизоны. Царь Иванъ

*) На р. Аа.

Васильевичъ, узнавъ объ этомъ, отправилъ войска въ Ливонію, которыя два раза подступали къ Вендену, но безъ успѣха, ибо воеводы продолжали мѣстничаться и дали время соединиться Литовцамъ со Шведами. Наконецъ, самъ Царь Иванъ Васильевичъ собрался въ походъ. Онъ росписалъ предварительно, какимъ полкамъ куда идти и гдѣ соединиться; укрѣпилъ берега Волги, Оки, Дона, Днѣпра и Двины противъ нападенія Татаръ—Казанскихъ, Астраханскихъ, Крымскихъ и противъ Поляковъ,—и наконецъ, самъ выступилъ въ походъ въ Ливонію. Но, едва онъ прибылъ въ Новгородъ, какъ къ нему уже явились Баторіевы послы съ объявленіемъ войны. Баторій уже выступилъ въ походъ точно также самъ, и взялъ Полоцкъ. Вѣсти эти были для Царя Ивана Васильевича крайне непріятны: думая, что театромъ войны будетъ Ливонія, онъ всѣ войска послалъ туда, а посему въ Полоцкѣ, на границѣ Литвы, былъ небольшой гарнизонъ. Но мужественные Москвичи, занимавшіе Полоцкъ, рѣшились защитаться до послѣдней капли крови. Узнавъ объ этомъ, Царь Иванъ Васильевичъ самъ пошелъ во Псковъ и отсюда послалъ войско выручать Полоцкихъ сидѣльцевъ. Къ сожалѣнію, воеводы его не рѣшились вступить въ битву съ войсками Баторія, и потому Полоцкій гарнизонъ, хотя бился отчаянно и выдержалъ нѣсколько приступовъ, долженъ былъ сдать городъ Баторію съ условіемъ, чтобы всѣ Москвичи съ ихъ семействами выпущены были на свободу. Баторій занялъ Полоцкъ. Вслѣдъ

за Полоцкомъ Баторій взялъ крѣпость Осколъ. Москвичи и здѣсь бились мужественно, но подавлены были многочисленностью непріятелей. Этимъ и окончился походъ Баторія въ 1579 г. Взявъ Соколъ, онъ уѣхалъ въ Варшаву требовать у Польскаго сейма новаго войска и денегъ.

Царь Иванъ Васильевичъ, встревоженный успѣхами Баторія и не довѣряя усердію своихъ воеводъ, началъ искать мира. Онъ отправлялъ гонцовъ къ Баторію, просилъ посредничества Австрійскаго императора и папы, но успѣха не было. Въ слѣдующемъ году Баторій снова открылъ походъ въ Ливонію противъ Царя Московскаго и осадилъ Великія Луки. Москвичи и здѣсь дрались отчаянно, дѣлали довольно удачныя вылазки. Воевода же Хилковъ, стоявшій въ Торопцѣ *), въ ожиданіи войскъ изъ Пскова, Новгорода и Смоленска, удачно тревожили вылазками войска Баторіевы. Но вдругъ взрывъ пороховой башни въ Великихъ Лукахъ и всеобщій пожаръ предалъ этотъ городъ во власть Баторія. Занявъ Великія Луки, Баторій взялъ Торопецъ и занялъ еще нѣсколько русскихъ городовъ: Озерище, Заволочье. Но измученный и самъ войною, Баторій снова отправился въ Польшу просить у сейма войска и денегъ.

Успѣхи Баторія совершенно отняли у Царя Ивана Васильевича присутствіе духа: онъ уѣхалъ въ

---

*) Уѣзди. гор. Псковской губерніи.

Александровскую слободу и оттуда писалъ воеводамъ, чтобы они промышляли о дѣлѣ какъ сами знаютъ и что онъ надѣется на Бога и на ихъ усердіе. Воеводы дѣйствительно усердствовали, сколько могли *). Но безъ рѣшительности самого Царя успѣхи ихъ мало приносили пользы. Царь же надѣялся устроить дѣло переговорами: писалъ къ Баторію, въ Германію и къ папѣ.

Въ 1581 году Баторій открылъ третій походъ, прямо на Псковъ и осадилъ этотъ городъ. Но это нападеніе не было нечаяннымъ: тамъ уже были посланы Царемъ воеводы,—Иванъ Петровичъ Шуйскій и Василій Ѳедоровичъ Скопинъ съ 30 т. войска. Кромѣ того, самъ Царь Иванъ Васильевичъ выступилъ въ Старицу и вездѣ разставилъ значительные полки. Осада Пскова продолжалась два мѣсяца съ половиною: воеводы московскіе бились на-смерть. Но половина укрѣпленій уже была взята Баторіемъ, въ войскѣ котораго были и Венгерцы. Наконецъ и въ главномъ укрѣпленіи былъ сдѣланъ проломъ, и самъ Баторій повелъ войска на послѣдній окончательный приступъ. Войска его быстро подошли къ пролому. Въ это время Москвичи осыпали польскія войска градомъ ядеръ. Въ то же время стрѣлецкій голова Мясоѣдовъ успѣлъ пробиться сквозь польское войско и ввести въ городъ свѣжее войско. Все это заставило Баторія отступить.

---

*) Они взяли почти всю нынѣшнюю Могилевскую губернію

Отступая отъ Пскова, войско Баторіево хотѣло взять Печерскій монастырь, но и тамъ не имѣло успѣха: 300 московскихъ воиновъ и монахи отвергли предложеніе о сдачѣ и отбили два приступа. Самъ Баторій, впрочемъ, еще стоялъ подъ Псковомъ; но Псковичи, несмотря на крѣпкую осаду, выносили всѣ лишенія, а войско Баторіево умирало отъ голода. Посему Баторій снова поѣхалъ въ Варшаву просить у сейма войска и денегъ, оставивъ подъ Псковомъ воеводу своего Яна Замойскаго, поручивъ ему вести переговоры о мирѣ.

Переговоры о мирѣ съ Польшею продолжались около мѣсяца. Они велись при посредствѣ папскаго легата, хитраго іезуита Антонія Поссевина. Наконецъ, переговоры были окончены перемиріемъ на десять лѣтъ. Царь Иванъ Васильевичъ отказался отъ Ливоніи и Полоцка, оставивъ за собою только титулъ властителя Ливонскаго, а Баторій возвратилъ всѣ свои завоеванія и отказался принимать какое-либо участіе въ дѣлахъ Эстоніи и Швеціи, съ которыми государь Московскій могъ вести переговоры какъ хотѣлъ.

Во время переговоровъ съ Баторіемъ, Царь Иванъ Васильевичъ былъ постоянно разстроенъ и въ дурномъ расположеніи духа. Однажды засталъ его въ такомъ расположеніи старшій сынъ его Иванъ Ивановичъ, который пришелъ къ нему просить начальство надъ войскомъ въ Ливоніи. Эта просьба показалась Царю Ивану Васильевичу или насмѣшкою, или

замысломъ мятежника, и онъ такъ сильно ударилъ царевича жезломъ своимъ въ голову, что тотъ упалъ тутъ же безъ чувствъ и черезъ четыре дня умеръ. Послѣ этого убійства тоска Царя Ивана Васильевича достигла высшей степени: онъ нѣсколько ночей не спалъ, стоналъ, охалъ и, наконецъ, рѣшился оставить царство и постричься въ монахи. Но бояре единодушно упросили его не дѣлать этого, и онъ, по ихъ просьбѣ, принялся опять за дѣла государственныя. Но всякая пышность съ сего времени была удалена отъ двора, и самъ Царь и его придворные носили «смирное платье», т.-е. трауръ, какъ тогда говорили.

Вскорѣ по заключеніи перемирія съ Баторіемъ, пріѣхалъ въ Москву и папскій легатъ Антоній Поссевинъ, посредникъ при переговорахъ подъ Псковомъ. Поссевинъ старался убѣдить Царя Ивана Васильевича и къ соединенію церквей. Царь Иванъ Васильевичъ принялъ его очень ласково: Поссевинъ прожилъ въ Москвѣ около двухъ мѣсяцевъ. Но, по вопросу о соединеніи церквей, Царь показалъ такую ловкость и гибкость ума, такъ сильно отражалъ всѣ нападки Поссевина на Восточную Церковь, что хитрый іезуитъ уѣхалъ изъ Москвы, не только не успѣвши склонить Царя къ соединенію Церквей, но немогши даже выпросить дозволенія на построеніе въ Москвѣ римскихъ церквей, и не только въ Москвѣ, но и нигдѣ въ Россіи.

Въ то время, какъ полки Баторіевы брали рус-

скіе города и приводили въ унынie Царя Ивана Васильевича, толпа казаковъ, грабившихъ прежде по Волгѣ, завоевала для него царство Сибирское. Толпа эта, состоявшая изъ 540 удальцевъ, предводимыхъ атаманами: Ермакомъ Тимоѳеевымъ, Иваномъ Кольцомъ, Матвѣемъ Мещеринымъ и другими, — 21-го іюня 1581 года прошла съ Волги въ Каму, гдѣ находилось имѣнье богатыхъ торговыхъ людей Строгановыхъ. Здѣсь казаки, защищая Строгановское имѣнье, разбили Остяковъ и Вогуличей, грабившихъ селенія по р. Чусовой; потомъ, присоединивъ къ себѣ еще 300 товарищей, поднялись рѣкою Чусовой до горъ Уральскихъ; наконецъ, перешедши горы, вступили рѣкою Турой въ царство Сибирское, гдѣ царствовалъ царь Кучумъ. Кучумъ выслалъ къ р. Тоболу своего племянника Маметкула съ 10 т. ратниковъ, но казаки разбили его. Наконецъ, выигравъ еще три битвы у Сибиряковъ, они разбили и самого Кучума въ страшной сѣчѣ на берегу р. Иртыша, 23-го октября. Кучумъ бѣжалъ въ Ишимскія степи, а казаки заняли столицу его Искеръ. Послѣ многихъ еще битвъ и побѣдъ, покоривъ всю страну по рѣкамъ Оби и Иртышу, Ермакъ отправилъ своего товарища Ивана Кольца въ Москву — «бить челомъ царю царствомъ Сибирскимъ». Радостно принялъ такое челобитье Царь Иванъ Васильевичъ: онъ простилъ казакамъ всѣ ихъ прежніе разбои по Волгѣ, послалъ подарки завоевателямъ Сибири и велѣлъ снаряжать стрѣльцовъ на по-

мощь Ермаку. Между тѣмъ Кучумъ продолжалъ самъ дѣлать нападенія на казаковъ. Его постоянно отражалъ Ермакъ, но дружина Ермака отъ этого сильно уменьшилась. Прибывшій изъ Москвы небольшой отрядъ стрѣльцовъ не много усилилъ его, ибо рать Кучумова дѣлалась все многочисленнѣе и сильнѣе. Такъ продолжалось дѣло около трехъ лѣтъ. Наконецъ Кучуму удалось выманить Ермака изъ Искера и напасть на него ночью, когда Ермакъ и вся дружина его спали. Кучумъ съ своими Сибиряками перерѣзалъ всѣхъ. Только одинъ казакъ успѣлъ убѣжать въ Искеръ. Самъ же Ермакъ Тимоѳеевичъ, переправляясь вплавь черезъ Иртышъ, утонулъ въ этой чрезвычайно быстрой рѣкѣ. Послѣ, этого оставшіеся въ Искерѣ казаки, всего 150 человѣкъ, принуждены были выйдти изъ Сибири. (Они, впрочемъ, туда возвратились и окончательно завоевали Сибирь; но это событіе уже принадлежитъ къ царствованію сына Ивана Васильевича Ѳедора Ивановича.)

На западѣ, окончивъ войну съ Баторіемъ, Царю Ивану Васильевичу оставалось еще остановить успѣхи Шведовъ, которые, пользуясь польскою войной, подъ предводительствомъ своего генерала Делагарди, не только завоевали Эстонію, но уже переступили предѣлы новгородскіе и заняли Иваньгородъ и Копорье. Но, по заключеніи перемирія съ Баторіемъ, русскіе воеводы поправились: разбили Шведовъ сперва въ Вотьской пятинѣ, при селеніи

Лялицахъ; потомъ въ другой битвѣ подъ Орѣшкомъ *). Послѣ сего заключено было перемиріе со Шведами на три года. По этому перемирію, русскіе города Ивань-городъ и Копорье остались за Шведами.

Царь Иванъ Васильевичъ потому поспѣшилъ мириться со Шведами, что война съ Баторіемъ готова была опять вспыхнуть. Послы польскіе, находясь въ Москвѣ для окончательнаго утвержденія договоровъ, предъявили требованіе, на которое Царь Иванъ Васильевичъ никакъ не могъ согласиться. Они требовали, чтобы Царь Русскій не писался нигдѣ Царемъ Ливонскимъ; чтобы всю Эстонію онъ призналъ владѣніемъ Польши. По этому случаю были продолжительные споры, во время которыхъ боярамъ московскимъ удалось отстоять титулъ и обязаться не воевать Эстонію только въ теченіе десяти лѣтъ. Этотъ мирный договоръ скрѣпленъ былъ присягою Царя Ивана Васильевича и Короля Баторія. Но Поляки и Литовцы худо соблюдали этотъ миръ: воеводы литовскіе занимали еще многія мѣста, которыя, по договору, должны были перейдти къ Москвѣ, и дѣлали разные безпорядки на границѣ, такъ что Царь Иванъ Васильевичъ долженъ былъ отправить часть своихъ войскъ на Литовскую границу.

Какъ бы то ни было, но миръ съ Польшею былъ очень нуженъ: на Востокѣ русскомъ дѣла призывали все вниманіе Царя. Еще во время переговоровъ

*) При входѣ въ Неву изъ Ладожскаго озера нынѣшній Шлиссельбургъ.

съ Баторіемъ въ краю Черемескомъ вспыхулъ бунтъ, въ которомъ принялъ участіе и Ханъ Крымскій. Бунтъ этотъ все крѣпчалъ и къ нему примкнули и Татары Ногайскіе, жившіе на Камѣ. Такимъ образомъ Царь Иванъ Васильевичъ долженъ былъ въ одно и то же время держать три войска: одно на Окѣ для удержанія Крымскихъ Татаръ, другое, въ краю Черемиссы, на Волгѣ, и третье, противъ Ногайцевъ, на Камѣ.

Всѣ эти событія ставили Ивана Васильевича въ довольно затруднительное положеніе. Но онъ не унывалъ и хладнокровно дѣлалъ распоряженія, требуемыя обстоятельствами. Оставивъ страшную Александровскую слободу, онъ жилъ въ Москвѣ; принималъ и отправлялъ разныя посольства; искалъ себѣ союзниковъ въ Персіи, Бухаріи и Хивѣ. На случай войны съ Турціей, которая могла поддерживать Крымцевъ и прочихъ Татаръ, онъ искалъ дружбы персидскаго шаха Годабенда; а для обузданія Ногаевъ сносился съ Хивою и Бухаріей. Въ то же время онъ не оставлялъ мысли воевать съ Баторіемъ. Для сего онъ отправилъ посла къ Англійской Королевѣ Елизаветѣ, чтобы устроить твердый дружественный союзъ Англіи съ Россіей противъ Батторія и другихъ враговъ. Царь Иванъ Васильевичъ предлагалъ чрезъ своего посла большія выгоды Англичанамъ для ихъ торговли въ Россіи, а въ замѣнъ этого требовалъ отъ нихъ огнестрѣльнаго оружія, доспѣховъ, сѣры, нефти, свинца, мѣди, олова и

всего необходимаго для войны. Въ то же время послу московскому наказано было тайно видѣться съ королевою и предложить ей выдать племянницу, Марію Гастингъ, за самого Царя.

Посолъ московскій, дворянинъ Писемскій былъ принятъ въ Англіи очень хорошо. Министры королевы Елизаветы согласились на предложеніе государственнаго союза Россіи съ Англіей и написали грамоту, а королева приняла предложеніе о сватовствѣ. Вмѣстѣ съ Писемскимъ отправленъ былъ въ Москву Англійскій посолъ Іеронимъ Баусъ для окончательнаго утвержденія дѣлъ о союзѣ и о бракѣ. Но Баусъ въ Москвѣ не могъ покончить порученныхъ ему дѣлъ: по обыкновенію Англичанъ онъ былъ слишкомъ упоренъ и грубъ при всѣхъ переговорахъ: принималъ одно только посредничество Елизаветы въ примиреніи Русскаго Царя съ Польскимъ королемъ; на объявленіе же Англіею войны Польшѣ рѣшительно не соглашался; сверхъ же всего требовалъ, чтобы Англичанамъ было предоставлено право исключительной иностранной торговли во всѣхъ русскихъ гаваняхъ. Что же касалось до брачнаго союза Царя Ивана Васильевича съ Маріею Гастингъ, то Баусъ объявилъ, что Марія Гастингъ не рѣшится перемѣнить англиканское вѣроисповѣданіе на православное, и вообще старался отклонить переговоры объ этомъ бракѣ. Недовольный посломъ Англійской королевы, Царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ ему готовиться къ отъѣзду. Послѣ этого при-

казанія Баусъ сдѣлался уступчивѣе: началъ обѣщать пособіе Англіи въ войнѣ Россіи съ Польшею людьми и деньгами, настаивая только, чтобы Англичанамъ была предоставлена исключительно Двинская торговля. Но несмотря на всѣ сіи уступки, Царь Иванъ Васильевичъ не покончилъ съ Баусомъ и рѣшился отправить новаго посла въ Англію.

Но вдругъ сильная болѣзнь, а вскорѣ за нею и смерть остановили всѣ новые планы Царя Ивана Васильевича. Онъ давно уже замѣчалъ въ себѣ какое-то утомленіе и безпокойство душевное, но необращалъ на то и другое вниманія, старался побѣдить болѣзнь дѣятельностію. Но, болѣзнь взяла свое. Зимою 1584 г. явилась на московскомъ небосклонѣ комета. Царь Иванъ Васильевичъ смотрѣлъ на нее долгимъ, задумчивымъ взоромъ, и вдругъ, измѣнившись въ лицѣ, сказалъ окружающимъ: «вотъ знаменіе моей смерти!» И скоро опасно занемогъ. Впрочемъ, до марта еще занимался дѣлами. Но 10 го марта велѣлъ остановить на пути ѣхавшаго въ Москву посла Литовскаго и, созвавъ бояръ, объявилъ царевича Ѳеодора наслѣдникомъ престола, назначивъ ему въ совѣтники князей: Ивана Петровича Шуйскаго, Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго и бояръ: Никиту Романовича Юрьева, Бѣльскаго и Бориса Годунова. Меньшему же сыну своему Димитрію Ивановичу назначилъ въ удѣлъ Угличъ. Послѣ сего распоряженія, Царь уже не вставалъ съ постели. 17-го марта ему было сдѣлалось легче, но 18-го

марта онъ, сидя на постелѣ и собираясь было играть съ Бѣльскимъ въ шашки, упалъ и умеръ.

Могила въ придѣлѣ Московскаго Архангесьскаго собора приняла останки сколько мучившаго, столько же и мучившагося царя Но, когда устранился такимъ образомъ отъ взоровъ людей его грозный образъ, исключительно сосредоточивавшій на себѣ вниманіе, открылась Россія, представлявшая уже болѣе свѣтлое, отрадное зрѣлище. Вмѣсто прежнихъ, только еще внѣшнимъ образомъ собранныхъ областей, открылась единая Русская Земля съ единымъ Царемъ, единымъ для всей ея законодательствомъ, гражданскимъ и церковнымъ, основанным на ея исконномъ древнемъ обычаѣ. Наконецъ, вмѣсто бояръ, желавшихъ удержать всѣ свои привилегіи, которыми они пользовались, какъ потомки дружинниковъ, и въ то же время стоять въ земщинѣ, гдѣ мнѣніе если и самостоятельно, то отнюдь не привилегировано, явилось сословіе дворянъ съ опредѣленнымъ назначеніемъ быть слугами Государевыми. Правда, все это стоило Царю Ивану Васильевичу долгой и тяжелой борьбы, — тяжелой особенно по его личному характеру и нѣкоторымъ печальнымъ обстоятельствомъ его жизни. Иностранцы, а вслѣдъ за ними и исторіографъ нашъ, назвали его «тиранномъ», «мучителемъ». Но, народъ русскій, безъ сомнѣнія, болѣе вѣрно чувствующій свою исторію и значеніе въ ней личныхъ дѣятелей, прозвалъ его только «Грознымъ», строгимъ, — про-

званіемъ, которое онъ далъ и дѣду его, знаменитому Ивану Васильевичу III-му. Задача Москвы—основаніе Русскаго царства—впервые ясно разрѣшена Царемъ Иваномъ Васильевичемъ, и народъ не даромъ слилъ его личность съ началомъ Москвы.

«Когда зачиналась каменна Москва:
Тогда зачинался и Грозный Царь,
Грозный Царь Иванъ Васильевичъ,

поетъ онъ въ своихъ пѣсняхъ. Даже къ самымъ поразительнымъ событіямъ изъ жизни сего Царя, народъ отнесся съ своимъ смягчающимъ, умиряющимъ вліяніемъ. Отношеніе Царя къ Филиппу митрополиту онъ разсказалъ въ сказкѣ о Шибаршѣ, указавъ нѣкоторыя обстоятельства изъ жизни Московскаго боярства, которыя нѣсколько оправдываютъ горечь впечатлѣнія, произведеннаго на Ивана Васильевича обличеніемъ святителя Филиппа. Что касается до смерти святителя Филиппа, народъ въ этой сказкѣ не приписываетъ ее Царю, а только вспоминаетъ устраненіе имъ митрополита отъ должности. Наконецъ, самое поразительное событіе съ сыномъ, народъ въ своей былинѣ разсказываетъ, какъ слѣдствіе указанія младшаго сына на старшаго, указанія обвиняющаго старшаго въ измѣнѣ.

Ил. Бѣляевъ.

Іюня 11 д.
1866 г.